

Д 1794 Рос 1-4
1-624

№ 50-й

ФЕВРАЛЬ 1924 ГОДА.

Цена 15 центов.

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩІЙ
— ДУХ СОЗИДАЮЩІЙ

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

СОДЕРЖАНИЕ:

Памяти П. А. Кропоткина.
 П. А. Кропоткин в Дмитрове.
 Анархизм и социализм.
 Нужен ли переходный период.
 Первое Международное Товарищество Рабочих.
 Право и власть.
 Универсальная "достаточность" синдикализма.
 Бродяга Сухопятый. (Стихотворение).
 Песни борьбы.
 Грядущее борьбы. (Стихотворение).
 Письмо из Польши.
 Отчеты и заявления.

ОТЧЕТЫ

ФЕДЕРАТИВНЫЙ ОТЧЕТ ЗА ЯНВАРЬ МЕСЯЦ 1924 ГОДА.

ПРИХОД

за "В."

Бр—т	2.40
Г—д	16.50
Порт Кол., К.	3.15
Г. Инд.	5.00
Дж. С.	1.50
Н. Б.	8.75
Фар—он В. В., в фонд	20.00
Пи—ды	3.00
Гр—т	1.80
Фед. Юж. Ам.	23.00
Тор—д, (за лит.)	3.75
Тор—то	13.00
Тор—то (в фонд)	2.00
Ве—д	34.00
Н. И.	5.10

Итого — 142.95

Остаток с Декабря 1923 г. — 26.76

Всего в кассе — 169.71

РАСХОД (за тот же период):

Издание журнала "В" № 49 159.00

Рассылка	11.00
Мелкие расходы	2.00
Итого —	172.00

Приход — 169.71

Расход — 172.00

На Февраль м-ц дефицит — 2.29

ОТЧЕТ П—СКОГО РАЙОНА.

Доводим до сведения всех товарищей, что П-ским районом было получено журнала "В" ст № 26-го по № 48-й — 1150 экз. Было продано 800 экз., а все непроданные журналы розданы без денег. За все проданные журналы выслано в Ред. Колл. 120.15 ц.

Добровольных пожертв. — 50 ц. За литературу выслано в Д—т — 7.50, в Н. П. выслано за литературу — 10.65. Выдано тов. С. — 25 долларов. Уплочено делегату на 5-й Съезд А. К. Г. С. Ш. и К—ды — 28 долларов. Израсходовано на почтовые расходы — 1.25.

Всех денег выслано — 193 долл. 50 ц. На 1 Янв. 1924 г. в кассе ничего не осталось. С тов. приветом Комиссия: А. Ж., А. П. и И. В.

А 1794

Рос 44-14 085

1-624

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

64-185

ПАМЯТИ П. А. КРОПОТКИНА.

Я памятник воздвиг себе нерукотворный...

А. С. Пушкин.

Три года прошло с тех пор, как в глухом городке московской губернии скончался П. А. Кропоткин. Три года — период, правда, сравнительно незначительный; но все же и за это время успевают затянуться дымкой забвения многие события, далеко не последней важности. Мы, например, успели почти все забыть о пиратствах Соединенных Штатов с Японией из-за острова Яп; также очень мало помним о знаменитом пересечении Атлантического океана американскими и английскими летчиками; а о бывшем германском канцлере Шейдемане, о захвате поляками Вильны, о свадьбе короля Югославии, о смерти папы Бенедикта XV или об укушении обезьяной греческого короля, во всяком случае совсем забыли. Даже смерть знаменитого певца Карузо успела в значительной мере зарубцоваться и раствориться в общих жизненных проявлениях.

Смерть же П. А. Кропоткина все еще продолжает оставаться свежим и жгучим событием... Несмотря на прошедшие три года, несмотря на ряд выдвинувшихся новых вопросов, — мысль упорно остается у могилы великого гуманиста, горько оплакивая драгоценную утрату. И ничто не может унять любящихся спез; ничто не может, хотя бы на миг, отвлечь внимание от припавшего за три года холмика на далеком московском кладбище. Денно и ночью мысль витает там, и слезы льются, льются...

Все так называемые важные события, столь часто волнующие поверхность житейского моря, кажутся слишком незначительными, слишком серенькими в сравнении с той значительностью, какую представляет собой смерть П. А. Кропоткина. Смерть Кропоткина всколыхнула, взволновала самую глубину, самую пучину житейского океана; она тронула самую тонкую струну

человеческой души, аккорды которой, — печальные и грустные аккорды, — и по сей день продолжают нестись со всех концов мира.

Мир вот уже три года плачет...

И это не потому, чтобы П. А. Кропоткин нуждался или требовал слепого и безотчетного коленопреклонения и благоволения, — Кропоткин был самым энергичным противником всего этого и всю свою жизнь боролся против подобных тенденций, — это просто потому, что смерть Кропоткина до того больна, до того чувствительна, что ее нельзя забыть, нельзя оплакать в три года. Скорбь и печаль будут переходить из рода в род... Целые поколения из года в год будут мысленно наломничать на далекое московское кладбище, чтобы поклясться у праха дорогого учителя, что они с гордостью и достоинством будут работать на благо и на радость того, на что он всю свою жизнь посвятил. И только тогда, когда заветная мечта будет достигнута, когда будет разогнана "последняя туча рассеянной бури", — только тогда снимет человечество траур, с сознанием и без опасения омрачить или потревожить прах дорогого учителя.

Людей, подобных П. А. Кропоткину, очень немного в истории. Часто проходят целые века, — века коsnости и мрака, — прежде чем на фоне тьмы и кошмара заблестит где нибудь подобная звезда. Но если уж она заблестит, она неминуемо произведет полный переворот во всем. Ничто тогда не устоит. Все сложившееся и казавшееся неприступными устоят падают и обнажат всю свою лживость и вредность.

Значимость Кропоткина в этом отношении велика. Он всю свою жизнь бесстрашно подтачивал устои рабства; он указывал и смело раскрывал всю ту пакость и непристойность, в каковой погрязло общество; он отважно шел в бунт и бурю, разя темные силы в самых их ос-

новах; он также не шадил и тех ложных направлений в науке, которые, прикрываясь яко-бы научностью, защищают несправедливость. Но кроме этих чисто отрицательных и разрушительных свойств, Кропоткин был также смелым и умелым создателем. Прочно провел и утвердил П. А. Кропоткин новую полосу в области естествознания и тем дополнил одностороннюю теорию Дарвина. Неосновательность теории Мальтуса тоже была доказана Кропоткинским рядом неопровержимых примеров. Точно также П. А. Кропоткин не оставил без внимания пресловутую теорию Маркса о концентрации промышленности, и, на основании многих данных, указал на ее пагубность и призрачность. Помимо этого, Кропоткин также внес не малый вклад в область геологии и географии. Особенно ценным здесь является указание Кропоткинским на то, что начавшееся в средней Азии высыхание почвы распространяется все шире и шире, захватывая все новые и новые местности. Человечество безусловно обратит на это внимание и примет ряд предохранительных мер; и если эти меры окажутся успешными, то мир во всем этом будет обязан главным образом Кропоткину, и слава Кропоткина в этом отношении не увянет во век.

Но это еще не все...

Кропоткин славен не только своими смелыми и странными обобщениями в области науки, но также и своей личной жизнью, своим личным поведением. Из прошлого нам известно, что в истории довольно часто появлялись гениальные люди, которые открывали поразительные истины, говорили о чистых и возвышенных идеалах, но очень редко случалось, чтобы эти люди могли согласовать свою личную жизнь с тем, что они открывали или о чем говорили. Некая двойственность, некий дуализм (над чем так долго бился Л. Н. Толстой) почти всегда наблюдались у многих выдающихся и замечательных людей. У Кропоткина же все это отсутствовало; он вполне сочетал, слил во единую свои поступки с мотивами. Как только он узрел правду, как только открылась ему истина, он почувствовал это не только умом, но и всем своим сердцем; и не замедлил отвернуться от всего блеска и почестей, которые ему предстояли, не замедлил

оставить царские дворцы и палаты, и спуститься в убогие и серые лачуги, чем и воздвиг себе тот памятник, к которому, как сказал поэт, никогда не заростет народная тропа.

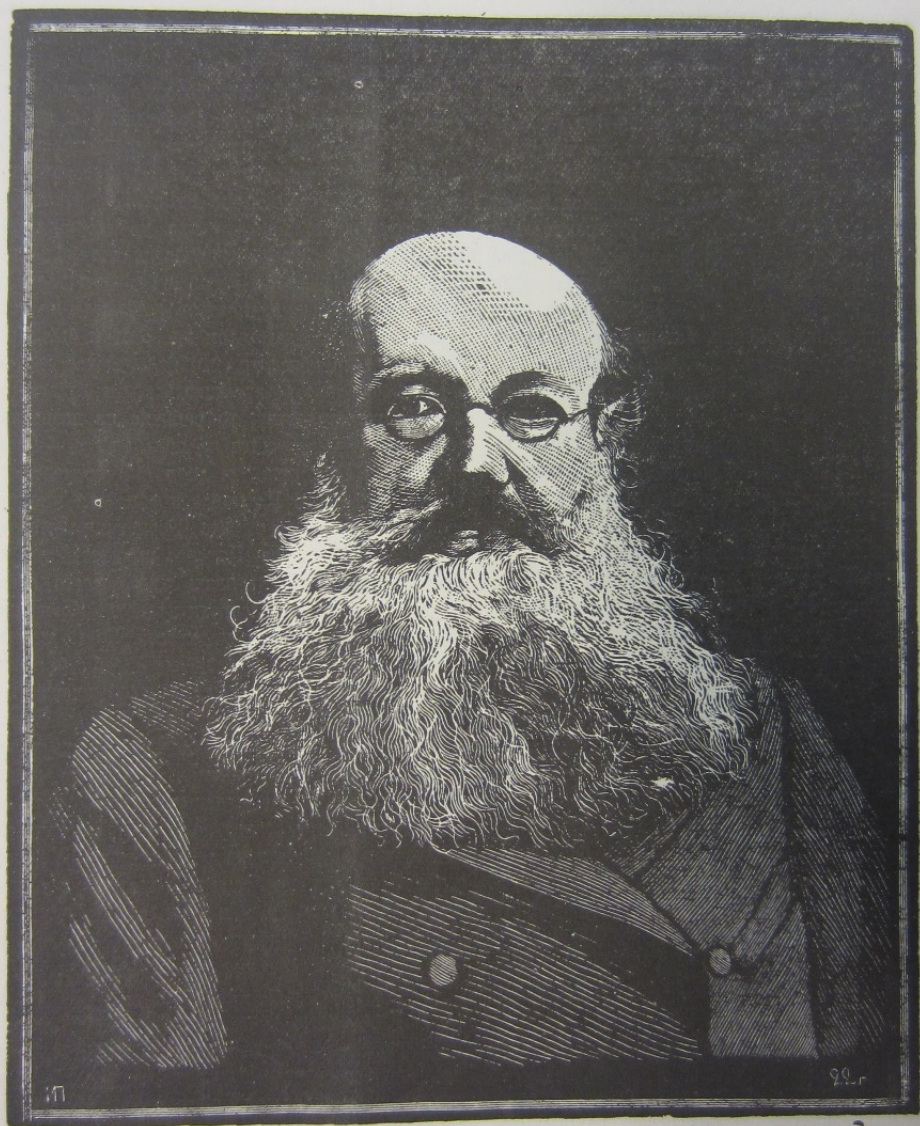
Понятно, как только появляются светочи человечества, как только они начинают своим правдивым и громким голосом рассеивать мрак, — против них ополчаются все темные силы, против них со всех сторон летят копы и дреколья и все прочие изобретения ада.

Несбежал этого и П. А. Кропоткин.

Царское правительство, как только узнало, что Кропоткин, лично известный и знакомый всему царскому двору, занимается революционной пропагандой, пришло в бешенство и негодование. Кропоткин, благодаря своему особому положению, мог вести революционную деятельность — что в сущности он и делал — двойным путем: с одной стороны он мог работать в высших кругах общества, так как ему был вполне свободен туда доступ; а с другой стороны, перед ним открывалось широкое поле деятельности среди рабочих, с которыми он успел за короткое время очень хорошо сблизиться. Такая исключительная возможность работы особенно беспокоила правительство и оно решило во что бы то ни стало избавиться от "язвы дзенских мест", как оно назвало Кропоткина.

Сначала Кропоткину удавалось, что называлось, "заметать за собой след" и дело начинало приобретать несколько счастливый оборот: Кропоткин уже ехал на извозчике на станцию, чтобы оставить кишешный на каждом шагу шпионами Петербург. Трудно предположить, что было бы впереди, — быть может Кропоткина арестовали бы позже, в других местах России, а быть может ему удалось бы совсем избежать ареста, — но благодаря предательству одного из тех (предателем оказался один из арестованных ткачей), за кого Кропоткин душевно болел и ради кого он жертвовал собой, Кропоткин вместо станции, попал в тюрьму.

"К великому изумлению, — рассказывает Кропоткин в "Записках Революционера", — я увидел на дрожках (дрожки обогнавшие Кропоткина на Невском, около думы, когда он ехал

П. П. Горюхи

на станцию. Примечание наше.) одного из двух арестованных ткачей, а рядом с ним какого то мне неизвестного господина. Ткач сделал мне знак рукой, как будто хотел сказать что-то. Я сказал моему извозчику остановиться. "Быть может, — думал я, — его только что выпустили и у него ко мне важные поручения". Но как только остановился, господин, сидевший рядом с ткачем (то был шпик), крикнул громко: Г-н Бородин, князь Кропоткин я вас арестую. (Под псевдонимом Бородин Кропоткин работал среди петербургских рабочих. Примечание наше). Он подал сигнал полицейским, которых всегда масса на Невском, прыгнул ко мне в дрожки и показывал бумагу с печатью петербургской городской полиции."

Судьба, однако, на этот раз оказалась не столь жестокой, как можно было предполагать. В Петербурге нашлись славные друзья, которые помогли Кропоткину вырваться из тюремных оков и бежать за-границу. Замечательный и в то же время дерзкий побег ошеломил правительство окончательно. Александр II, видя что жертва ускользнула из рук, метался в озлоблении и отдавал приказ за приказом поймать беглеца во что бы то ни стало. Но беглец, несмотря на все меры правительства, благополучно добрался до Англии.

Нечего и говорить, что правительство не оставило Кропоткина в покое и за-границей. Оно делало соответствующее давление на правительства друиx стран, а так же широко действовало посредством своих черных дел мастеров. (Интересно отметить, что некоторые члены лионского суда (во Франции), судившие Кропоткина, получили от русского правительства награду). Шпионы неотвизно везде следовали за Кропоткиным, стараясь завязать с ним дружбу или же втянуть его в какое либо компрометирующее дело. А когда после убийства Александра II организовалась "священная лига" и включила в свою программу убийства русских революционных деятелей, находящихся за-границей, то в числе последних Кропоткин стоял в первой очереди.

Жизнь, таким образом, даже за-границей была не из сладких: каждую минуту можно было надеяться приведения в исполнение грязного

замысла "священной лиги", или же ожидать выдачи в руки русского правительства. К счастью, за-границей, как и в России, у Кропоткина было не мало добрых друзей, которые готовы были грудью постоять за него. Заботливая и добрая хозяйка, у которой жил Кропоткин недалеко от Тонона, узнав про темные замыслы русского правительства (а узнала она не от Кропоткина, а окольным путем), ни за что не соглашалась, чтобы ее квартирант отправлялся в город один (часто она тайно от Кропоткина посылала за ним своего мужа или братьев). А когда на гентском конгрессе, делегатом на котором был Кропоткин, стало известно, что бельгийское правительство собирается арестовать его и выдать русскому правительству, то рабочие не позволили Кропоткину даже выйти из помещения: — взяли его "в свои руки" и дали ему возможность уехать в Англию. Не менее интересная история произошла в Клерво, где Кропоткин отбывал тюремное заключение. Царское правительство на шло нужным командировать туда своего агента, для того, чтобы дискредитировать Кропоткина в глазах тамошнего населения. Когда же население узнало, что называющий себя бароном является ничем иным, как самым обыкновенным сыщиком, то отношение к нему приняло такой оборот, что сыщик должен был поспешить убраться во свояси. Мир науки и люди более менее просвещенные, в свою очередь, горой стояли за Кропоткина. Всем известно, что под петицией, требовавшей освобождения Кропоткина из французской тюрьмы, подписались такие светила, как Спенсер, Виктор Гюго и друг., а в французском парламенте никогда не прекращались бурные сцены в связи с арестом Кропоткина.

Все это свидетельствует насколько личность Кропоткина была привлекательной, с одной стороны, а с другой — все это доказывает, что Кропоткин мало ошибался, строя свои теории на принципе народной доброты и благожелательства. Его личная жизнь, его личные опыты давали ему богатый материал для таких выводов и построений. Всюду, где бы Кропоткин ни находился, он находил самых искренних друзей и доброжелателей, независимо от их идеальных взглядов и воззрений: всюду он чувствовал

благотворное дыхание той великой солидарности и взаимности, которую он отстаивал и защищал до конца своих дней.

Любимый, уважаемый и ценимый всеми, в ком есть хоть капля человечности, Кропоткин в свою очередь умел любить, уважать и ценить. П. Лавров, П. Тургенев и другие, знавшие Кропоткина, всегда восхищались его сердечностью и искренностью, а помещенные в этом же номере "Волны" воспоминания дмитровских кооператоров самым наглядным образом рисуют в каких любезных и "святых" отношениях находился Кропоткин со всеми, с кем ему приходилось жить или встречаться.

Но наиболее сильная, широкая и красивая любовь Кропоткина проявилась, бесспорно, в его идее, в его учении. Вся его идея, от начала до конца, пересыпана лепестками любви и ласки; все его учение унизано жемчужинами тепла и сердечности...

Стоит только раскрыть любую из книг Кропоткина, стоит только прочесть несколько строк, чтобы убедиться как широка и чиста была любовь автора к жизни и человечеству. Знаменитая "Взаимная помощь, как фактор эволюции" в сущности не что иное, как восторженный гимн любви, чарующая песнь добру и солидарности... В этой книге Кропоткин мощно разгоняет нависшие тучи зла и зверности, и возносит жизнь — светлую и лучезарную — в поднебесную высь, слагая ей венки из роз красоты и незлобия.

Трудно найти человека, который больше бы и лучше бы овеял человечество лаской и любовью. Всю жизнь Кропоткин посвятил на это; всю жизнь он боролся с тем напыщенным учением, согласно которому — "мир во зле лежит"; и рядом примеров доказывал, что в основе всего лежит не зло и зависть, а бескорыстие и великодушие.

Для Кропоткина был чужд тот раз'едающий пессимизм, которым так часто страдают многие ученые. Кропоткин на жизнь смотрел радостным и веселым взглядом, не проклиная и не порицая ее. Все казалось ему естественным и понятным; никакого противоречия, никакого дис-

сонанса... Начиная песчинкой, цветком или невидимым простым глазом атомом и кончая деятельностью человеческого мозга, возвышенными волевыми порывами, — у Кропоткина все сливалось в один стройный хоровод, в одну целостную благозвучную гамму. И блеск звезды, и стук машины, и Мадонна Рафаэля, и вечерняя заря, и огнедышащий Везувий, и дрожащая утренняя росинка, и Гетевский Фауст, и дорожка муравья, и сверкающая молния, и пение ласточки, — все для Кропоткина — проявление одной полной и целостной жизни; все — разноцветящиеся брызги одного фонтана.

Достичь такой гармонии, такой целостности во взгляде на жизнь — удавалось очень немногим. Одним непреодолимой преградой в этом являлась относительность познаний человека и невозможность разгадать "вещь в себе"; другим — несоответствие человека его назначению; третьим — несовместимость культуры с сущностью человека; четвертым — болезни, страдания и мгновенность жизни; пятым — беспредельность человеческих потребностей; шестым — дурные врожденные наклонности людей; седьмым — железные социальные законы, "их же не перейдеш"; восьмым — бесцельность и пустота жизни; девятым — загадка бытия; десятым — жестокость законов природы; одиннадцатым — отсутствие веры в бога и т. д. и т. д. Словом, всегда находились те или иные причины для того, чтобы на мир смотреть мрачно; чтобы находить в законах жизни те или иные недочеты; чтобы жаловаться на судьбу, печалиться, грустить и т. д. Кропоткин же от всего этого был свободен; он был достойным, жизнерадостным сыном, никогда не ропщущим на свою мать-жизнь. Жизнь для него была (жизнь, конечно, здесь понимается в естественном смысле, а не в смысле социальном) не бременем, не тяжестью, а цветущим майским днем, одного взгляда на который достаточно, чтобы сказать: стоит жить, стоит любить жизнь, стоит считать за счастье — принять участие в общем хороводе жизни.

Способствовало в этом Кропоткину, несомненно, то обстоятельство, что он был непримиримым врагом всякой метафизики и никогда не

занимался теми вопросами, которые выходят за пределы нашего опыта. Кропоткину в высшей степени было безразлично — что такое "вещь в себе"; или: мыслим ли мы предметы в их подлиннике, или наши представления о предметах являются только их отражениями. Как естествоиспытатель, он брал жизнь так, как она есть и, на основании опыта, изучал не отвлеченные понятия жизненных явлений, а законы этих явлений, т. е. то, что доступно исследованию. Широчайшие же познания в области естественных наук всегда позволяли Кропоткину находить конкретный ответ на тот или иной вопрос, не прибегая к туманным и неясным предположениям, загадочность которых обыкновенно вселяет мрак и смуту.

Эта-то ясность, эта способность ориентироваться в жизненных явлениях; это-то довольство "малым", но вполне реальным и понятным, и вселяли спокойствие, веселость и оптимизм в душе Кропоткина, и побуждали его слагать гимны природе и жизни.

* * *

Казалось бы, как Кропоткин, смотревший на жизнь веселым и радостным взглядом, и всюду видевший в природе взаимную помощь, справедливость и солидарность, мог быть революционером; казалось бы, как он, восставая против учения жестокой борьбы зубом и когтем, и защищая любовь и ласку в природе, мог звать к бунту, к мятежу...

Этот вопрос неизбежно встает при первом же знакомстве с учением П. А. Кропоткина.

И в самом деле: с одной стороны — чарующие песни любви и солидарности, а с другой — жажда бури, вопли к громам... Можно ли представить еще большую раздвоенность, еще большее недоумение?..

Однако это только на первых порах, только на пороге учения П. А. Кропоткина.

Стоит только вникнуть в суть немного глубже и завеса раздвигается: из кажущегося противоречия Кропоткин и здесь представляется в полном блеске своего единства, цельности и гармоничности. Дело в том, что солидарность, любовь и справедливость для Кропоткина были не только исходными точками, но и

конечными целями; отпавшая от принципа взаимопомощи, он в то же время и стремится к принципу взаимопомощи. И это не напыщенная диалектика, не Гегелевская трилогия, — это горькая действительность. Находя почти во всех проявлениях жизни элементы добра и взаимности, Кропоткин видел как эти благие и целебные основы, в своем поступательном ходе, постепенно поглощались и порабощались учреждениями несправедливости. Руслó социальной эволюции загромодилось разным хламом неравенства; и идея свободы, равенства и братства, берущая своё начало у великого источника — природы, затерлась и скрылась в громадах искусственно созданных учреждений. Для Кропоткина это казалось большой трагедией. Но исследуя историю народов, и улавливая дух этой истории и его направление, Кропоткин, к великой радости, заметил, что человечество продвигается все ближе и ближе к эмансипации. Революция для него стала, таким образом, исторической необходимостью. Он увидел, почувствовал, что две силы, — одна, движущая человечество к освобождению, а другая, мешающая этому — рано или поздно должны столкнуться; это неизбежно; и он, ради сохранения полноты и целостности своих теорий, должен был стать революционером.

Таким образом, видно, что Кропоткин — революционер не из жажды мести, а по исторической необходимости; и революция не только не противоречит его учению, но дополняет его.

Приняв революцию, как исторически необходимый акт, Кропоткин, однако, на этом не остановился: не являясь революционером просто из-за жажды крови, он, конечно, почувствовал, что для благоприятного исхода революции необходимо, чтобы она имела известное содержание, известный идеал, а не являлась пустой формой, безцельным бунтом и т. д. Успешность революции, по мнению Кропоткина, зависит главным образом от конкретной, вполне определенной цели и от чистого, справедливого идеала. Конкретная цель как бы определяет и освещает выставленные рабочими требования, а идеал придает этим требованиям вид красоты, естественной законности и благородства. И чем требования яснее, тем решительнее дух борцов, —

чем идеал справедливее, тем меньше врагов у революции. Наличие же и сочетание обоих этих понятий вполне обеспечивает успех революции.

Для этого то революционного содержания, для этого идеала в революции Кропоткин посвятил не мало внимания и труда, результатом чего оказалось заложение начала так называемой революционной морали, с одной стороны, и начертание схемы строительства свободного общества — с другой.

* * *

В нескольких газетных строках нет возможности нарисовать хотя бы самый приблизительный образ П. А. Кропоткина, — да мы этого и не пытались сделать. Мы прекрасно знаем, что Кропоткин не нуждается, чтобы его "рисовали", — в рисовании нуждается только тот, кто сам не сумел ничего создать, — он, Кропоткин, своей жизнью и своей деятельностью

воздвиг сам себе тот лучезарный памятник, тепло и свет которого не угаснут во веки.

Памятник этот — учение Кропоткина, его книги...

Скоро ли падет существующий капиталистический строй или не скоро, — учение Кропоткина одинаково будет пылать священным огнем. В капиталистическом строе оно является надеждой и укрепляющей силой тех, кто, по словам поэта, — наг, сир и беден; в свободном же обществе оно станет гордостью и идеалом всего человечества. И идея Кропоткина — помогать, потому что сил избыток (на этой идее Кропоткин обосновал третий этап своего учения о нравственности), — безусловно одна из самых возвышенных идей, каких только общество может достигнуть.

Быть сильным, чтобы помогать, — вот заветная цель и светлый идеал человечества!

Февраль 1924 г.

П. А. КРОПОТКИН В ДМИТРОВЕ.

ВОСПОМИНАНИЯ КООПЕРАТОРОВ.

I

Узнав от товарищей-кооператоров, что в Дмитрове живет Кропоткин, я, конечно, захотел познакомиться с ним. 15 лет тому назад я прочитал его книгу — "Поля, фабрики и мастерские", многое мне раз'яснившую и произведшую на меня большое впечатление. С тех пор я начал глубоко ценить и уважать Кропоткина.. И вдруг являлась возможность увидеть самого человека, — автора любимой книги...

Я с волнением ждал вечера, в который я условился с товарищами-кооператорами побывать у Кропоткина.

В глубине парка знакомый домик Олсуфьева, в котором живет Кропоткин, — и сердце мое начинает усиленно биться. Я мысленно уже представлял себе, что вот увижу сейчас человека, великого духом, по внешности схожего с Толстым — в рубаше, в простых сапогах... Робко вхожу сзади двух товарищей на терраску

и в домик, и в дверях нас встречает радостный, с большой белой-белой бородой старичек, чисто одетый. Я сразу узнал в нем Кропоткина, так как раньше видал его на портретах. В маленькой столовой у него в это время были гости. В. А. Рыжов познакомил меня с П. А., и как то сразу и волнение, и робость исчезли у меня, не стало присущей при первой встрече неловкости, и я сразу почувствовал пред собой открытую настежь, одинаково любящую всех, душу. И быстро у нас завязался разговор.. Когда я шел к П. А., я думал больше слушать его, а вышло как раз наоборот, — я только что приехал с Урала, и П. А. начал расспрашивать меня о жизни и настроении на Урале, и, увлекшись, я забыл о главной моей цели — послушать его и, уходя, очень жалел об этом. Странное чувство было тогда: увидал я впервые человека, а уходить от него не хотелось, как будто я очень давно был знаком и близок этому

человеку. Вышел на улицу и как будто что-то родное, близкое оборвалось в душе и осталось в этом маленьком домике...

Второй раз я был у П. А. весной со своей женой. П. А. сразу узнал меня. Дома была и Софья Григорьевна, и опять они очень радостно встретили нас, начали суетиться, готовить чай, и чувствовалась в них большая заботливость к гостям и предупредительность в каждой мелочи. Если чего-либо не оказывалось на столе, П. А. быстро, по молодому, вскакивал со стула и легкой, быстрой походкой приносил нужное. Закашлялась моя жена, — опять он быстро встает и приносит пилюли, и как ни отказывалась жена — П. А. настойчиво просит принять лекарство, говоря: "Я всегда так, — как закашляюсь, так пилюлю приму, и пройдет кашель". Много и с увлечением рассказывал он о своей заграничной жизни, об обязанностях человека, расспрашивал о жизни нашей земледельческой артели и давал свои советы.

Марии Михайловне (моей жене) захотелось посмотреть огород и сравнить его со своим артельным. П. А. шутливо ответил, что это — дело Софьи Григорьевны: она и покажет свои труды. Все вместе пошли на огород. Софья Григорьевна рассказывала о том, сколько пришлось ей затратить трудов на расчистку огорода; он весь был завален боем кирпича; подробно рассказывала о посадках и уходе. Огород был образцовый, — хотя и небольших размеров; все в нем тщательно было подобрано, выполого, подвязано, и растения были свежие — сочные. Видна была во всем любящая и заботливая рука... Кирпич был собран в кучи...

Впечатление от посещения Кропоткиных у меня и у жены остались очень сильные, и мы часто об этом вспоминали. Чувствовалось, что и семейная жизнь П. А. такая же радостная, как и вся его жизнь.

В третий раз пришлось мне побывать у П. А. осенью 1920 г., уже как представителю земледельческой артели. На собрании мы постановили в знак глубокого уважения к Петру Алексеевичу поднести ему артельный подарок — 2 фунта меда со своей маленькой пасеки. Мы очень боялись, как бы не обидеть Петра Алек-

сеевича этим подарком, но нам хотелось, чтобы этот небольшой подарок подчеркнул нашу искренность и глубокое уважение к нему и чтобы он это понял. Из артели командировали меня и другого артельщика — пчельника Н. Е.

К П. А. мы пришли вечером. При входе у дома мы увидели его прислугу с длинным шестом (слегкой), старающуюся раскрутить высоко висящую телефонную проводку. Мы взяли у ней шест и начали раз'единять проводку. Эту сцену из окна увидал П. А., вышел к нам на террасу и шутя остановил работу, сказав: "Пусть Мария Филимоновна сходит на почту и попросит мастера раз'единить, а гости пойдете в дом"... И так же опять весело и жизнерадостно встретил нас. Мы передали ему выписку из протокола и подарок... И как мы обрадовались, увидав, что Петр Алексеевич радостно-искренне принял его и благодарил за наши чувства к нему: "Как, говорит, кстати, а я вот думал: чего бы нам послать Александре Петровне (дочь П. А.-ча), она только что выздоровела от тифа — вот хорошо..."

Мы, боясь его затруднить, так как знали, что всякое переутомление ему вредно, хотели уйти, но он нас не пустил — оставил пить чай, и, пока готовили самовар, разговорились о жизни нашей артели; П. А. рассказывал о том, как живут в Англии такие же артели и какие делают они успехи и, между прочим, советовал, как можно скорее, строить отдельные домики для каждого семейства, иначе почти все сельскохозяйственные коллективы распадаются. Живя в одном доме "артельщики или перессорятся между собой, или перевлобляются и, в результате, — распад артели". Он высказал мысль, что экономическую сторону артели легче наладить, а духовную — труднее, в особенности трудно наладить жизнь между женщинами. П. А. передавал, как удобно и дешево живут в таких отдельных домах-городах-садах в Англии, и начал разыскивать в своей библиотеке английскую книгу об этих домах. В это время принесли на стол маленький самоварчик. Видя, что П. А. не удается найти книгу, мы просили не разыскивать ее, но он все-таки нашел и нам показал рисунки построек и объяснял их.

Потом разговор перешел к вопросу о нравственности человека в общественной и личной жизни и много вырвалось у него ярких, отчетливых мыслей о человеке. Тут он вспомнил и о том, что он пишет книгу на эту тему и что ему хочется закончить эту книгу.

Не хотелось уходить от П. А., да уж время было идти, да и П. А., видимо, утомился... И дивное дело, каждый раз оставалось одно и то же у меня впечатление: завидовал Петру Алексеевичу, что он так долго, до самой глубокой старости, сохранил жизнерадостность и глубокое любовное отношение ко всем. А, уходя от него, каждый раз хотелось и самому быть лучше, чище, больше всех любить и прощать всем...

Бутырская тюрьма

25 марта 1921 г.

В. Сазонов.

II

П. А. Кропоткин приехал в Дмитров (Московской губернии) летом 1918 года и поселился в доме, раньше принадлежавшем графу Олсуфьеву на Дворянской улице (теперь переименованной в Советскую).

Дом этот расположен в глубине сада, обнесенного с улицы забором, и окружен старыми березами, в которых весной находили себе приют грачи. Дочь Петра Алексеевича—Александра Петровна — очень недолюбливала этих соседей и сердилась на их шумное поведение по утрам и на то, что они перепутывали телефонные провода. Но Петр Алексеевич всегда был их ярким защитником, хотя они не раз лишали его телефона, и часто рассказывал об их жизни. При этом в словах его чувствовалось большое знание перелетных птиц и много любви к ним.

Дома, в котором прожил свои последние годы Петр Алексеевич, состоял из пяти небольших комнат с прихожей, кухней и комнатой для прислуги. Сам он занимал маленькую комнату с одним окном на север: она служила и спальней и рабочим кабинетом.

У Петра Алексеевича был установлен очень строгий порядок дня; было точно определено время для занятий, отдыха, обеда, ужина и прогулки, что помогало ему, при его слабом здоровье, сохранить до конца дней работоспособ-

ность. Он не гулял только тогда, когда бывал нездоров. И дмитровские жители скоро познакомились с его подвижной фигурой — в черном пальто, широкополой шляпе и с крючковой палкой в руках.

Первое из учреждений, с которым познакомился Петр Алексеевич в Дмитрове, был Дмитровский союз кооперативов, который привлек его, прежде всего, своим книжным складом, библиотекой и музеем.

Помнится, в библиотеке союза, помещавшейся в маленьком деревянном мезонине дома, занятого союзом, мне и пришлось познакомиться с Петром Алексеевичем. Сразу поразила простота его обращения, которая почти уничтожала невольную перед ним робость.

Петр Алексеевич интересовался и чисто кооперативной работой союза. Он смотрел на кооперацию, как на медленный, но верный путь к достижению социализма. Особенно большое значение он придавал промысловой кооперации и часто ссылался на английских кустарей, которые достигли в своем производстве больших успехов, благодаря применению технических усовершенствований.

В конце декабря 1918 г. Петр Алексеевич, по приглашению правления, появился в первый раз на собрании уполномоченных союза. Все собрание дружно встало, приветствуя его. Вероятно, не многие из уполномоченных-крестьян знали его имя раньше. Но его преклонные годы, большой жизненный опыт, искренность и теплота его слов сразу завоевывали глубокое к нему уважение.

Поэтому появление Петра Алексеевича на собраниях уполномоченных всегда вызывало радостный, даже восторженный прием. Петр Алексеевич не раз говорил на собраниях о том, что революционный переворот, подобный тому, какой переживает Россия сейчас, переживается человечеством периодически, раз в 120—130 лет, и что за ним должен следовать громадный подъем производительных и умственных сил страны. Он призывал кооператоров к наибольшему напряжению труда и приложению своих знаний к целям налаживания жизни на свободных началах.

Эти бодрые слова такого глубокого старца заражали всех верой, и в собрании на лицах всех присутствовавших нельзя было не видеть радости и умиления. Таково было обычное впечатление от выступлений Петра Алексеевича на собраниях уполномоченных. Он любил сниматься вместе с собранием уполномоченных, и есть фотографии, на которых можно видеть его сидящим в центре группы вместе с Софьей Григорьевной.

В последний раз он выступал в собрании уполномоченных, посвященном 5-ти летнему существованию союза — 14 ноября 1920 г. Сердце у него работало уже плохо. Но он все-таки хотел говорить, и речь его, как всегда, была очень простой и душевной. Он указывал на Францию, где сейчас привлекаются к ответственной работе практические работники-кооператоры. Говорил и о том, что он "грешным делом подписывал и сейчас подписывает", — и возможно, что в некоторых отношениях он "ошибался". Но, — говорил он, — недостаточно хорошо писать книжки, чтобы правильно построить жизнь: надо глубже знать самое жизнь и необходимо участие в управлении страной людей дела, хорошо знающих эту жизнь.

На этот раз Петр Алексеевич сейчас же после своей речи ушел из собрания, потому что сильно утомился.

Петра Алексеевича посещали многие крестьяне и рабочие, и он всех их принимал с большой любовью, и посетители всегда от него уходили с большим удовлетворением.

Лично я, начиная с конца 1918 года, частенько к нему заходил со своими горестями и радостями и всегда уходил от него, зараженный новой свежей силой и верой в жизнь. Бывало, когда приходишь к нему, — если застанешь его сидящим, — он быстро встает и бодрой походкой, с сияющим и добрым лицом, идет навстречу. Только в последнее время, с осени 1920 года, он стал частенько прихваривать и тогда принимал у себя в комнате, в постели, но все же весело говорил: "Немножечко сердце пошаливать стало... ну, это ничего, скоро пройдет".

Любил он рассказывать о своих молодых годах и о заграничной жизни и всегда говорил

с увлечением. Болел душой за тяжелые переживания русского народа, но при этом прибавлял: "Все случившееся сделает громадный переворот в жизни народа и выведет его на широкий путь". Частенько беседовали мы с ним о кооперации; он не одобрял политики государства, когда оно вмешивалось в жизнь и работу кооперации, и говорил, что "кооперации государство должно помогать, а не мешать".

П. А. любил музыку и пение русских песен. Изредка к нему приезжали сестры Денисовы и пели ему русские песни. В это время он песнь преображался и сиял. Семейная жизнь его была трогательна. Он очень внимательно относился к Софье Григорьевне и был очень нежен с дочерью, и Софья Григорьевна к нему относилась с большим вниманием и заботливостью и часто себе во многом отказывала, чтобы получить накормить Петра Алексеевича. И, может быть, благодаря такой преданной заботливости жены, он и прожил до 78 лет.

П. А. сильное впечатление произвел и на мою уже старушку-мать, которая, по неграмотности своей, никаких его писаний, конечно, не знала. Ей случалось бывать у Кропоткиных в отсутствие Софьи Григорьевны, и мать потом часто мне рассказывала, как Петр Алексеевич радушно принимал ее, показывал ей свою комнату и книги и рассказывал про за-границу, — как он там жил и как там люди живут. И когда я шел в Дмитров, она мне часто совала лепешки или еще какой-нибудь деревенский гостинец для Петра Алексеевича, говоря при этом: "Ведь он очень хороший старичек; таких забывать не надо". И Петр Алексеевич через меня обычно посылал и ей привет.

Бывая часто в доме Петра Алексеевича, я знал, как шло его домашнее хозяйство. В связи с общим недостатком продовольствия, Петр Алексеевич тоже испытывал нужду, но когда ему был предложен кремлевский паек, он один или два раза получил его, а затем отказался. В 1920 году он стал получать литературный паек, но и это ему не очень нравилось.

Вообще всякие привилегии его сильно тяготили, и он все время стремился устроиваться самостоятельно. И говорил: "Если хватит нам

продовольствия от этой полочки, то в следующую получать не надо“...

Помню, что ему присылали продовольствие с Украины, иногда помогали кооператоры или привозили подарки приезжающие к нему иностранные гости. Но все это делалось не регулярно, да и он к этой помощи относился очень осторожно. Вместе с тем от людей, которые ему казались близкими и делали приношения от доброго сердца, он принимал их совсем легко и просто.

Помню, как-то кустарная артель предложила Петру Алексеевичу книжный шкаф своей работы. Он был смущен и, отозвав меня, советовался, как быть. Я убедил его, что от кооперативной организации принять такой подарок можно.

На свое же, самостоятельное, хотя и маленькое, хозяйство, Петр Алексеевич и Софья Григорьевна обращали большое внимание. Основной его была корова и огород. Часто им приходилось, сокращая свои потребности, продавать молоко, чтобы купить для Петра Алексеевича яиц или немного мяса. Огород они разработали в 1919 году и он им сослужил большую службу. Софья Григорьевна отдавала столько любви, труда и заботы этому делу, что достигла в 1920 году больших успехов, и их огород с очень разнообразной культурой мог служить образцом. Особенно поражала в нем правильность и аккуратность работы, что Софья Григорьевна сама объясняла тем, что она естественница по образованию.

Всю физическую работу по огороду приходилось выносить ей, потому что Петр Алексеевич, по болезни сердца и преклонным летам, не мог в ней участвовать. Но зато я часто заставлял Петра Алексеевича и Софью Григорьевну вместе разбирающимися в английских и французских руководствах по огородничеству. Руководясь научными выводами, Петр Алексеевич, однако, никогда не пренебрегал советами и указаниями местных людей-хозяев. Так помню, когда садили картофель, мне пришлось указать, что расстояние при посадке слишком мало, и это будет мешать правильному окучиванию. Совет Крпоткины приняли во внимание и потом

были довольны. Труд не пропал даром и давал им возможность иметь для стола все овощи. И Петр Алексеевич за столом часто говорил: "Это выращено трудом Софьи Григорьевны".

Весной 1920 года они ~~хотели~~ ^{думали} necessarily расширить хозяйство — завести кур, так как яйца были необходимы при болезни Петра Алексеевича, а покупать их было трудно; кроме этого Петр Алексеевич жаловался, что скучно как-то, когда не слышно голоса петушка. Принес я им петушка, а потом и курочку.

С этим петушком Петр Алексеевич подружился и, часто выходя гулять, кормил его овсом и любовно с ним разговаривал. Он внимательно наблюдал за птичьими правами и находил в петухе много кокетства, а в курочке подмечал ревность.

Вообще Петр Алексеевич любил водить дружбу с животными, разговаривать с ними и ласкать их.

Последние годы своей жизни Петр Алексеевич писал "Революционную этику". Эта работа протекала при очень тяжелых условиях, — он принужден был временами сам переписывать свои рукописи на пишущей машинке, так как за неимением средств не мог приглашать машинистку.

Это замедляло его литературную работу. Некоторое время, до мая месяца 1920 г., перепечатывала его рукописи машинистка Дмитровского союза А. А. Суворова, но с ее отъездом на родину в мае месяце П. А. остался в этом отношении без всякой помощи.

Мною от имени союза предлагалась Петру Алексеевичу такая помощь, но он от этого отказывался, ссылаясь на недостаток машинисток в самом союзе.

Последняя встреча с Петром Алексеевичем была у нас 14 ноября 1920 г. на собрании уполномоченных Дмитровского союза кооперативов. После этого, через неделю, руководителей союза арестовали вместе с ответственными работниками ноторгового отдела, и таким образом, были прерваны наши отношения с Крпоткинским.

Мое общение с Петром Алексеевичем оставило во мне глубокий душевный след. Он влиял на нас не только, как ученый и культурный

детель, но и как высоко-нравственный и кристальной чистоты человек. Его влияние особенно сильно отражалось на нашем душевном складе; он будил всем существом своим человека в человеке. Вот что его поднимало на такую большую нравственную высоту. Вечная, вечная память тебе, дорогой наш Петр Алексеевич!..

Бутырская тюрьма.

5 марта 1921 года.

В. Рыков.

III

Мне приходилось встречаться с П. А. Кропоткиным только в последние два года его жизни. Он проживал в то время в Дмитрове, куда переехал летом 1918 г. Здесь он жил в уединении и тишине глухого уездного городка и продолжал свою литературную работу, насколько ему позволяли силы. Летом 1918 г. я вела культурно-просветительную работу в Дмитровском союзе кооперативов, в частности, в молодом только что затеянном деле изучения местной жизни и создания музея дмитровского края.

Несмотря на свою старость, П. А. не только горячо относился к нашей работе, но и сам принимал в ней живое участие и сумел внести в нее много ценного и от себя.

Особенностью П. А. было его открытое, сердечное и простое отношение к людям, и потому даже мимолетные встречи с ним оставляли глубокое впечатление. Самая внешность его сразу располагала к нему всякого. Серебристые волосы и пушистая широкая борода придавали ему вид патриарха, но добродушное лицо почти без морщин и ясные живые глаза были совсем не-стариковские. А в движениях было столько живости, подвижности, иногда почти мальчишеской резвости, что после первой встречи с ним забывалось, что он старик. Казалось, что он стоит как-то вне возраста: и молодой и старый в одно и то же время.

Поражала его изысканная вежливость при встречах с людьми, даже совсем ему посторонними... Он снимал шляпу и кланялся так радушно, пожимал руку с такой приветливой улыбкой, точно самый факт встречи двух людей являлся уже радостным событием. И после встречи с П. А. казалось, точно вам подарили что-то

хорошее без всякой заслуги с вашей стороны. Дома он встречал также радушно и приветливо всех, как старых друзей, шутил и смеялся с детской ясностью, любил вспоминать времена своей юности, свое путешествие по Сибири, бегство из тюрьмы, скитание за границей. И видно было, что картины эти до сих пор остались в его памяти живыми и яркими, как и в те давние времена, когда это происходило.

В первый раз меня очень поразило в нем умение сохранять в памяти картины молодости во всех деталях и живую молодую душу до 78 лет, а потом все это стало казаться естественным, точно иначе и быть не могло.

Внешнее обаяние его испытывали все, приходившие с ним в соприкосновение.

Вот как рассказывает о П. А. крестьянка, служившая в музее: "Приходил, говорит, без вас старичек, спрашивал вас, — такой хороший старичек, чистенький, такой легонький, ну, прямо святой старичек. Я сказала ему, что вас нет. — Ну, говорит, кланяйтесь, да скажите, чтобы заходила. Называл он как то себя, да забыла. Только уж очень он интересный, ну, прямо, вот как святой".

С работой музея П. А. познакомился очень скоро после своего приезда в Дмитров. В это время, летом 1918 г., собирались коллекции по природе края, и П. А., как геолог и географ, сам проявил интерес к нашему делу и желание познакомиться ближе с работой, находившейся еще в стадии подготовительной, лабораторной.

Как сейчас помню большую, угрюмую комнату с печкой посредине, всю заваленную всевозможными материалами. С одной стороны, столы с камнями, с другой — на полу папки с растениями, мхи, лишайники, ветки деревьев, с третьей — аквариумы, баночки с насекомыми, садки с гусеницами. И посреди этого хаоса подвижная, элегантная, европейская фигура П. А. и жены его Софьи Григорьевны. Оба они внимательно вникают во все мелочи, слушают и задают вопросы, вспоминают английские музеи, дают советы и уходят, ободвив нас и своим вниманием, и обещанием своей помощи в будущем. И действительно, с этих пор П. А. является деятельным участником работы музея.

Совсем вскоре после первого посещения, П. А. зашел второй раз в музей, но никого здесь не застал (мы были на экскурсии) и оставил свою визитную карточку.

Перед открытием музея для публики, он внимательно просматривал, как специалист, отдел геологии и давал свои советы, затем принимал участие в заседаниях болотной комиссии, председательствовал на музейных совещаниях, наконец, осенью 1920 года выступал с докладом о задачах музея на съезде учащихся. И это было не простое формальное участие: болотной комиссии он делает доклад по ледниковому периоду, а на совещании он предлагает простой и остроумный способ увеличивать карты. В конце заседания он тихо извинялся предо мной в том, что "плохо председательствовал", мотивируя это тем, что "у нас, анархистов, председателей не бывает".

Доклад же на съезде учащихся был серьезно разработан им предварительно и записан. Это — простой, непосредственный рассказ о своей работе в молодости в сибирских музеях, и заключение, полное горячей веры в будущность нашего музея. Большого труда стоило П. А. добраться в этот день до места съезда, так плохо было у него сердце, и все же, несмотря на свое недомогание, он остался и на другие доклады и после них внес свое предложение, чтобы музей составил список того, что из его коллекций может быть использовано школой. Да и, помимо публичных выступлений, все время чувствовалось постоянное ободряющее внимание П. А. к нашему делу. То он принесет зубы лошади, найденные им, то обратит внимание на известковую плиту, отысканную у него на огороде, то даст два-три листочка с выписками географического характера, интересных, по его мнению, для музея.

При этом П. А. никогда не показывал себя ученым специалистом, подавляющим своим авторитетом. Нет, перед нами был товарищ с живым принципиальным умом и чутким вниманием к делу. Мне кажется, и все его отношение к науке заключалось в непосредственном глубоком интересе к окружающей природе и жизни; опираясь на свой зоркий глаз и глубокий ум,

он не боялся делать смелые предположения, давшие такой толчек в вопросе о ледниковом периоде.

Он любил вспоминать свое путешествие по Финляндии, которое убедило его окончательно в правильности его предположений по этому вопросу.

Один, с котомкой за плечами, с карандашем и записной книжкой, он пересек Финляндию с севера на юг, делая в день по 10—15 верст, останавливаясь и исследуя по дороге каждую скалу, каждый камень, каждый обрыв, допытываясь, какого они состава, какого происхождения, что они из себя представляют. И он записывал и зарисовывал все виденное.

И на основании виденного П. А. пришел к твердому убеждению о существовании древнего ледника, когда-то покрывавшего Финляндию и Россию. Здесь зоркий глаз сослужил ему лучшую службу, чем изучение литературы, кабинетные исследования, длительные изыскания. Так природа сама давала правдивый ответ на прямой и глубокий вопрос.

Живая наблюдательность сохранилась у П. А. и до последнего времени. Когда заходил вопрос о далеком прошлом долины Яхромы, он не спрашивал, каков ее уклон, из чего состоят ее берега, — он говорил: "Да ведь она сама отвечает на этот вопрос. Вы посмотрите на нее в половодье с Подлипецкой горы. Ведь она превращается в сплошное громадное озеро. Ну, и раньше на ее месте было озеро, это ясно".

Когда он увидел в музее клыки мамонта, и я сказала, что находки их часты в северной болотистой части уезда, он заметил: "ну, конечно, они тонули в тех непроходимых болотах, которые были здесь после ледника, тонули и погибали. Естественно, что здесь и должны быть их находки".

И я почувствовала, что и болота эти, и мамонты были для него живые, реальные, яркие картины.

Трогательно было обращение П. А. с детьми. К нему приходили два крестьянских мальчика, умных, живых, интересовавшихся серьезными вопросами. П. А. охотно с ними беседовал, давал им советы, руководил их чтением. Ду-

маю, что посещения эти оставили в детях глубокий след на всю жизнь.

Да и в нас, знавших П. А., не пропадут искорки от его любовного живого внимания ко

всему: и к людям, и к природе, и к жизни.
Бутырская тюрьма.

12 февраля 1921 г.

А. Шаховская.

АНАРХИЗМ И СОЦИАЛИЗМ.

(ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД В АФОРИСТИЧЕСКОЙ ФОРМЕ).

А. А. Солонович.

Для правильного заключения необходим правильный путь к нему и, прежде всего, то безпристрастие, которое одно только дает возможность избежать аргументов *ad hominem* не только по отношению к другим, но и, что главное, по отношению к самому себе.

А между тем деятели в области социально-политической, как раз этому условию не удовлетворяют. Свое собственное мышление они сплющивают и рядом обременяют аргументацией подчас бессознательно заимствованной из ими же самими созданной агитационно-пропагандистской схемы.

Отсюда постоянное смещение логических категорий с историческими.

В самом деле, чем как не таким смещением можно объяснить постоянное стремление различных социалистических партий к созданию двух программ — программы максимум и программы минимум.

Отсюда же вытекает и то грубое отношение к вопросу, с которым приходится сталкиваться в области анархизма. "Анархизм", говорят, "есть идеал, а вовсе не программа сегодняшнего дня". И сказав так, люди успокаиваются, воображая, что этой сакраментальной формулой они освобождают себя от обязательства быть, а не только слыть анархистами.

Все это очень грустно, ибо обнаруживает слишком большую неустойчивость, шатание и неумение подойти к вопросу.

В самом деле, ведь из того, что данное общественное состояние "А" является логическим следствием состояния "В", причем между ними лежит состояние "С", еще вовсе не следует, что

это обусловлено и исторически.

Дело в том, что состояние "С" может быть пройдено массой психологически и этого абсолютно достаточно, чтобы историческая последовательность была "А — В", минуя "С".

Ведь не надо забывать, что если историческая действительность есть действительность психологическая, то не всякая действительность психологическая будет обязательно исторической, конечно, понимая под "исторической" ту совокупность социальных взаимоотношений, которая протекает при данных условиях.

Основным различием здесь является то, что факт "С" переживается только психологически, то-есть, не оказывая длительного влияния на поступки людей, другими словами — в моменты революционных движений массы изживают в течение очень короткого времени те промежуточные формы, которые протекали исторически в течение долгих промежутков времени. Таким промежуточным фактом было, например, Учредительное Собрание в России, да даже, если угодно и весь парламентаризм, длившийся с 1906 г. по день разгона Учредительного Собрания в 1918 г.

В течение 12 лет Россия изжила то, что изживается в Европе в течение веков. Конечно, все это приходится брать *cum grans salis* ибо советский режим есть, конечно, род режима парламентарного.

В этом направлении можно было бы пойти очень далеко, но в настоящий момент нас интересует совершенно определенный вопрос и предыдущее должно послужить исходным пунктом дальнейших наших рассуждений.

Вопрос, который мы ставили себе здесь, есть вопрос о формах и принципах анархических организаций и нам надо дать себе ясный отчет в том, что такое объединение анархистов?

Но прежде всего возникает еще вопрос — что мы будем понимать под анархизмом? Есть ли это идеал, мировоззрение, тактика, платформа, учение и т. д.? — Что это такое?

Здесь бросается в глаза, что фактически мы имеем в анархизме совокупность самых разнообразных мировоззрений и идеологий, каждое из которых совершенно справедливо считает себя анархическим. Таким же образом мы находим в анархизме и представителей различных платформ, проповедников и анализаторов разнообразных тактик.

Если бы мы стали искать в истории чего либо аналогичного, то нам бросилось бы в глаза поразительное сходство этого явления с историческим ходом развития христианства, а в частности, и в особенности, католичества.

На лоне католичества распускались самые разнообразные цветы, самые различные идеологии.

Тут мы встретим представителей чуть ли не всех философских систем, моральных теорий, научных схем и все эти разнообразные элементы несколько не считали себя еретиками, почти все они уживались вместе в недрах одного и того же правоверия.

То же самое мы видим и в анархизме...

Поэтому, ни в каком случае нельзя считать анархизм идеологией, мировоззрением или тактикой, ясно, что основы анархизма заложены где то глубже в человеческой психике, заложены где то там откуда уже далее, как из почвы, могут вырастать всевозможные мировоззрения и идеологии.

Однако у анархизма есть две стороны — отрицательная и положительная и приходится снова и снова подчеркивать, что центром, если можно так выразиться, является да и может являться только сторона, конечно, положительная.

Знаменитую фразу Бакунина нужно было бы сказать иначе: дух созидания есть в то же время разрушающий дух, ибо, как это не стал бы, вероятно, отрицать и сам Бакунин, человеку

ближе творчество, чем разрушение, ибо разрушение есть уже нечто вторичное, разрушать можно только созданное, разрушение уже предполагает творчество.

В силу этого и свободу можно понимать двояко — отрицательно и положительно, как свободу "от чего" и как свободу "для чего".

Голый человек на голой земле свободен от всего, но ни для чего, ибо он безсилен. Пролетарий в капиталистическом обществе освобожден от всего, но не для чего, ибо он — ничий.

Поэтому разрушением человек освобождает себя от всего и приобретая свободу для всего — он все созидает.

Таким образом идеал анархического социального строя должен освобождать человека от всего и давать ему все.

Но стремление к свободе заключает в себе настолько могучий порыв, что оно не может удовлетвориться только и только землей и земным. Перед человеком встают космические возможности, он не может, не хочет признать себя только прахом, он не может, не хочет склониться перед смертью.

Если мы теперь рассмотрели две точки зрения на человека: одну — которая видит в человеке существо абсолютно замкнутое между рождением и смертью и назовем эту точку зрения культурной и другую, — которая видит в человеке существо продолжающееся своим бытием вперед и назад за рождение и смерть, что культура есть религия земного человека, а религия есть культ человека вечного.

С культурной точки зрения жизнь человека от рождения до смерти есть все, с точки зрения религии она — только момент, только ступень безконечного существования.

Теперь не так трудно показать, что истоки анархизма действительно религиозны, что отрицательное отношение анархизма к религии по большей части есть недоразумение, которое вытекает из субъективных или объективных оснований. В первом случае оно базируется на отожествлении религии с представлениями и бессознательно выливается в темпераментных формах, во-вторых, что это просто смешение рели-

гии с церковью в ее исторических формах.

Если теперь мы сможем дать себе ясный отчет в именно религиозном источнике анархизма, для нас станут совершенно ясными те социалистические построения, которые являются объективацией общего глубоко заложенного и синтетически единого устремления.

Дальше всего проработался в этом направлении, конечно, Толстой, но перейдя от отрицания насилия, как непосредственного следствия отрицания власти, к отрицанию сопротивления злу насильем, он сделал логически необходимый шаг уже чисто религиозной значимости, ведущий его за грани всякого социализма в культурных формах.

Для тех же, кто принимает ценности религиозные и культурные, для них дело не обстоит так просто, и логическая необходимость не всегда совпадает с социологической.

Теперь нам остается выяснить еще один вопрос, а именно: каким образом психологически создается уверенность у многих анархистов, что они антирелигиозны, каким образом, одним словом, возможны Бакунин, Кропоткин и т. д. с их подчеркиванием своей антирелигиозности.

Когда мы определяли выше религиозную и культурную точки зрения на человека и человечество, то мы давали определение объективное. Этому определению отвечает религиозный момент в самом субъекте, где мы его можем опять таки разсматривать объективно или субъективно — как психологическую конъюнктуру или как переживание.

Разделяя фактически существующие в нас два "я", на "я" индивидуальное — постоянное и неизменное, и на "я" личное — становящееся и вечно текучее, мы найдем, что религиозный момент психологически обосновывается на индивидууме, но ни в коем случае не на личности. Мы даже можем сказать, что религия есть культура индивидуальности, а культура есть религия личности. У различных людей различно развиты и представлены индивидуальность и личность. Но бывает очень часто, что при сильном развитии индивидуальности, таковая сама по себе не сознается и ошибочно отождествляется с личностью. Тогда как раз и создается возмо-

жность, такого явления, как, хотя бы у Кропоткина, где совершенно по существу религиозный импульс направляется в сознании на личность. У Кропоткина нет сознания разницы между индивидуальностью и личностью и потому он не берит, что его обоснование личности разрушает эту личность. Он заставляет курицу расти из цыпленка не выходя из яйца. По большей части такое явление возможно благодаря глубокой вере в положительную науку, в понятия. Эта вера, пропитывая понятия, как цемент камни, делает скорлупу яйца в высшей степени твердой — индивидуальность не в силах, сознав себя, разбить скорлупу личности и силы индивидуальности принуждаются таким образом служить личному. Отсюда и то невыяснимое противоречие их жизни, которого они сами никогда не замечают: вся их жизнь, являясь самоотречением, отказом от личности, от эгоизма — в то же время является служением чужой личности, чужому эгоизму. Поэтому-то альтруизм, как построение жизни таких людей может быть определен, как этическое учение, проповедующее служение чужому эгоизму. Альтруизм не в силах понять, что ценность в борьбе против вообще эгоизма, а не только против своего собственного. Таким образом, принимая только что сказанное, как определение альтруизма, мы можем разрешить кажущийся парадокс, сказав, что Кропоткин, Бакунин, Прудон и т. д. суть типичные альтруисты. Совершенно определенным эгоистом в первой части своего "Единственного" является М. Штирнер и снова альтруистом во второй его половине, но уже бессознательно для себя, как такового, так как иначе он не проповедывал бы союзы эгоистов, но просто создавал бы их.

Теперь совершенно просто можно ответить на следующий вопрос: может ли анархизм признавать власть? Да может. Он признает только один род власти — власть имманентную. Он не приемлет никакой гетерономии. Отсюда следует, что смешно говорить об отрицании всякой власти — ибо власть моя же надо мной должна быть. Царь в голове необходим.

Но отсюда же следует неприемлемость с точки зрения анархизма никакой власти внешней его личности. Но раз так, то ясно, что вся-

кая властная форма социальных взаимоотношений должна быть резко отвергнута. Таким образом мы приходим к задаче изыскания такого социального строя, в котором совершенно отсутствовала бы гетерономия личной воли, другим словом к отысканию конкретных форм анархического идеала общественности.

Характерно, что эпоха генозиса, представления о личности, есть эпоха развития мышления и понятия и, если не делать рискованных обобщений, то и эпоха зарождения права, как такового.

Если греко-римская мифология была выражением для ощущавшейся тождественности процессов внутри и вне человека, в микро и макрокосмосе, в душе и в природе, то математика, философия, логика и т. п. являются выражением ощущения тождества определенных схем также внутри и вне человека.

Таким образом, законы, аксиомы и т. д. стали на место богов древнего Олимпа. На место богов древнего Олимпа выросли боги Олимпа нового, сам разум об'ектировался в Логосе и если для экзотериков раскрывался истинный смысл всего этого во времена давно прошедшие, то и для нынешних экзотериков настоящая значимость таких точек зрения ясна. Но для экзотеризма древнего и нового все является в тех простых, наивных формах, которые каждый из них может вычертить из того небогатого материала, который имеется у них в душе.

Как бы там ни было, но правовые формы, тесно связанные с представлением личности и собственности дали рождение новому неуволному богу юридической личности. Так об'ективировалась коллективная личность, коллектив стал личностью.

Вся беда была в том, что скорлупа этой личности была без содержания, ибо за ней стояла не индивидуальность, но собственность. Это была пустая оболочка, сотканная из понятий. Но этим был сделан громадный шаг, ибо так создавалась возможность существования новой фикции, нового великого бога — правового государства в его позднейшем значении. Однако наряду с этим, каждый коллектив получил тенденцию отвоёвывать себе место на Олимпе но-

вых богов-личностей. Это было развитие нового фетишизма, антропоморфизма — это было психо-творчество. Мифо-творчество сменилось психо-творчеством. И как высший апофеоз экзотеризма, этой новой струи, выросло учение социализма.

В социализме каждая реальная личность, личность за которой живет индивидуальность была принесена в жертву личности пустой — обществу, государству и т. п.

Но так как личность есть об'ект культуры, так как личность есть нечто по существу земное и смертное, то социализм есть самое яркое выражение идолопоклонства. Служение идее — понятию, служение пустой оболочке — вот сущность социализма.

Поэтому современность есть эпоха власти призраков, власти теней, власти схем и власти эгоизма, как единственного вывода из служения личности, как таковой.

И снова встает перед нами древняя драма мистерии, по которой среди гробниц нашел свое место растерзанный бог. В твердые гробы личности заключен живой бог индивидуальности. Но среди гробниц с остатками бога есть тысячи пустых. Так снова и снова люди обманываются призраком свободы, блуждающими огнями различных прав, так снова и снова живой человек становится средством и приносится в жертву идолам. Современные жрецы социализма совершают свои кровавые жертвоприношения, ибо только испарениями крови погибших жертв поддерживается жизненность пустых форм и их призрачного существования.

Это уже черная магия. Да, самая настоящая, самая точная черная магия.

Разве не зеркальным отражением завлекли Диониса Титаны, что бы потом растерзать? И разве не Христа должна родить индивидуальность?

Но ведь все значение личности — а не зеркальности, в том, что благодаря ей индивидуальность приобретает самосознание. Как человек может знать о своем образе только увидев себя в зеркале, так и индивидуальность — сама узнает себя в своей личности.

Исторической категорией является лич-

ность, так как это ступень самопознания индивидуальностей, но если брать личность самое по себе, то это уже обман, идолопоклонство и эгоизм.

Личность, личина, маска, под которой скрыта индивидуальность.

Тысячи лет тому назад люди били в природу и природа была их матерью. Она вся жила, вся была пронизана жизнью различных индивидуальностей, жила такая же как и другие — индивидуальность человеческая. Человек ощущал себя таким же каковы были стихийные демоны и духи, гении и ангелы. Лишь по количеству сил отличались они друг от друга.

Но вот пришло время самосознания и было сказано, что "мир во зле лежит", что человек есть особая индивидуальность, индивидуальность обладающая бессмертной душой. "Внутри нас Царство Божие", то есть, моральный порядок отличается от природного. Тогда, чтобы дать возможность еще слабой индивидуальности познать себя и окрепнуть, она была заключена в оболочку личности и тем отграничена от мира и природы. В себе замкнулась индивидуальность, а мир стал прелестью и грехом. Но и стихийные духи почувствовали отныне, что человек есть нечто высшее, чем они сами и их осознание выражено в великолепных средневековых легендах о духах добывающих себе душу. Таковы "Ундина" или "Морская царевна" Андерсена. Мачехой для человека стала с тех пор природа и в человеке воцарился разлад и раздвоение между его природой и моральной стороной.

Но, "если познаете истину, то истина делает вас свободными", снова должна быть разбита скорлупа личности, чтобы индивидуальность могла найти себя в космосе, и уже не как раньше, но на высшей ступени. Не только мудрость, но и любовь должна теперь внести в космосе индивидуальность, разрушить она должна всех идолов и идолопоклонство пустым формам.

С этой точки зрения возможно обоснование морали и с этой точки зрения возможна истинная культура. Индивидуальность зачарована в личность, в формы наших представлений зача-

рованы стихии. И из столкновения гремящих скорлуп вырастает необходимость и закономерность, в глубине которых лежит случай и хаос.

Закономерность же настоящая есть всегда только имманентная, только память, только воля...

Другими словами внутренняя закономерность и есть свобода. Поэтому мораль есть самосознающая себя внутренняя закономерность, учение об освобождении, а культура есть средство освобождения зачарованных из под власти форм. Формы должны разбиться и все должно притти в движение.

Еще не осуществленное индивидуальностью есть ее цель, уже осуществленное — ее причинность. Не внешняя причинность, но внутренняя. Поэтому всякая общественная связанность должна быть связанностью целовой. Как данная связанность она есть связанностью причинная и является исходным моментом.

Связность общественная не должна застывать и обращаться в минерал, она должна существовать как таковая поскольку существует цель. Цель есть содержание формы чисто общественной связи. Связь как форма обращается в пустую скорлупу, как только прекращает свое бытие цель.

Поэтому единственно приемлемыми формами общественных организаций являются формы абсолютно свободные.

Свободные анархические союзы, коммуны, общества и т. д., существующие для каждого лишь постольку, поскольку этого хочет он сам.

Основной недостаток организаций не свободных заключается в том, что с ними связываются определенные права и обязанности, не зависящие от воли их членов. Самым характерным и самым уродливым типом их является государство. Государство считает принадлежащим себе всякого не спрашивая его, если он удовлетворяет определенным территориальным и т. п. предпосылкам. Игнорируя свободный выбор, оно само является как бы волевым существом. Государство есть личность народа или народов к нему принадлежащих и нет слов, что исторически оно было обусловлено, так как ясно, что ничего не бывает без причины.

Однако народы и нации не теряют себя даже если теряется их государственность. Достаточно взять евреев, болгар, сербов, ирландцев, индусов и т. д.

Однако для тех, кто смотрит с культурной точки зрения, кто экономическую область принимает за основную в каком бы то ни было смысле, для тех государственность играет уже иную роль. От государства божественного мы перешли к государству правовому, через государство военное. Теперь же воздвигаются абрисы государства экономического, ибо социализм адекватен государственному капитализму. Обычно представляют себе, что анархическое общество обязательно должно быть в стиле Руссо, чем-то подобным житию Павла и Виргинии или Робинзона.

В самом деле с первого взгляда, как же иначе возможно построить общество, если сами условия экономической действительности требуют координации, планомерности и т. д.

Одним словом проявляют волю вещей и власти над человеком, принуждая создавать организующую иерархию.

Вещи и процессы внешнего мира волят к иерархии, но если это даже и так, то человечество само есть определенный момент иерархии и притом тот, который достиг самосознания, достиг стало быть свободы. Поэтому не может быть иерархии среди людей — все люди братья, как раньше люди были старшими и младшими и как современем будут человеками и сверхчеловеками.

Конечно, "товарищ" уже ближе к "брату", но поскольку в "товарище" остается еще привкус юридика, постольку дело на этом остановиться не может.

В космической иерархии существ воля определяется волей же. Но это определение гетерономно снизу вплоть до человека. С человека начинается автономия воли и потому с человека начинается ответственность. От человека воля начинает определяться гетерономно лишь постольку, поскольку это воля низших и постольку воля высших действует автономно.

До наступления самосознания воля побуждается гетерономно высшими иерархиями, пос-

ле наступления самосознания она обуславливается гетерономно иерархиями высшими. Поэтому власть человека над человеком есть отражение власти вещей над человеком — есть овеществление человеческих отношений, превращение самого человека в вещь.

Но поэтому же, ясно, что власть, воля вещей над человеком есть то, с чем человек должен бороться, если он хочет свободы. Эти вещи составляют его тело, его собственность, его окружение и им человек противопоставляет свою волю. Поэтому в такой борьбе, между человеком и вещью не должно быть ничего промежуточного в виде организатора. Каждый должен быть организатором, а фактически тот, на кого возложат те или другие функции и кто их добровольно возьмет на себя, причем его задача — организовать вещи, но не людей.

Последнее-то и берет на себя государственственный капитализм, называемый социализмом и тем самым обнаруживает свое торговое происхождение. В его лице все мелкие змеи — ядовитые и удачи сливаются в одного великого Дракона-напимеру — с змеиным хвостом, львиным туловищем и козлиной головой, которая модернизму обязана еще ослиными ушами.

Ясно, конечно, что если хороши были все эти змеи частной собственности, то насколько лучше их дракон собственности государственной.

Таким образом овеществляя людей, социализм приносит их в жертву культуре, которая в образе экономической координации пожирала все буржуазные предрассудки в том числе и тот, согласно которому полагали, что нельзя строить жизнь на сплошной лжи и тупоумии. Впрочем социализм ведь хочет играть роль исторически необходимой колыбели для счастья еще не рожденных младенцев. Это хорошо, но почему бы ему тогда уже не сыграть роли утробы той женщины, которую по Мильтону, Сатана встретил у ворот ада. Последнее более подходяще к фактическому положению вещей.

Как бы там ни было, но общество равных в свободе может быть понимаемо обоюдостро.

Но так или иначе, а нам нужно не отправляться в страну фантастических необходимос-

тей, которые реально существуют лишь в прошлом, а постараться, исходя из целей освобождения, разрешить вопрос об отношении к экономике. Самое удобное дело быть сразу экспертом, судьей и палачем, но так как я и без того уже безнадежен, то позволю себе все таки не стесняясь этим продолжить наше рассуждение, тем более, что в наше время исторические необходимости превратились в уличные истории.

Вся теория социализма есть гекатомба в честь будущего. С закрытыми глазами, с лицом, направленным вперед, ничего не видя и не слыша идет социализм по человеческим жертвам в туманную даль каменных фантазмагорий. Живые люди для него только материал, больше ничего.

Во имя культуры, эти сектанты-интеллигент-ы стремятся построить дворец богине-пользы, но пользы только чаемой и ожидаемой, а не действительной. Это смелая спекуляция.

Анархисту же давно следует познать, что революция форм есть лишь смена декораций. Она пришла, это так, но революция духа, революция, как психо-физиологическая ситуация — вот чего поистине нужно добиваться.

"Ах", говорят некоторые, "мораль религиозная основывается на выгоде, мы же хотим морали бескорыстной, а такой может быть лишь мораль смертных".

Но ведь волюному воля понимать в морали религиозной то, что ему вздумается, а не то, что есть на самом деле. На самом же деле есть то, до чего можно дорасти и в этом самое главное.

Как бы там ни было, но человеческий коллектив не есть индивидуальность подобная нам с вами, тем более, если мы говорим о человеческих организациях.

Теперь уже легко видеть, что обычно материальная сторона всякого организованного дела сковывает все вождения и ради нея власть вещей над людьми принимает форму власти человека над человеком.

Собственностью непосредственно проявляла эту власть вещей, а государство опосредствовало ее. Поэтому, свободный союз должен быть союзом целевым. У каждого должна быть цель ес-

ли совокупность всех "каждых" хочет образовывать организацию. Как только у кого либо из членов союза в силу тех или других причин исчезает эта цель, для него реально должен исчезнуть и союз. Поэтому, понятно, что организаций основанных на идейном базисе быть не может, если эти идеи не суть технические. Только технические союзы возможны, как форма воплощения гетерономии вещей над человеком. Всякий иной союз может быть только братством, зиждящемся на любви, но братство не может иметь формальных конкретностей поскольку оно остается таковым. Ясно, что если братство образует технический союз, то в последнем мы получим уже все основы объединения и там произойдет сложение следствий того и другого.

Если бы все люди были братья в настоящем смысле этого слова, то из братства органически родились бы иные формы объединения, но так как фактически этого нет, то приходится отыскивать такие формы, которые давали бы возможность наибольшей свободы моральной, так как последнее и есть содержание социальных форм.

Если бы люди знали основы истинной морали, хотели бы ее осуществить в жизни, могли бы провести ее в поступки и осмелились применить к социальным отношениям, то не о чем было бы и разговаривать, но так как этого нет и рассчитывать на это не приходится, то и следует изыскивать пути, отделяя моральную сторону от формальной.

Если мы теперь назовем мораль техникой внутреннего индивидуальности, а право — техникой внешнего индивидуальности, техникой ее отношений с другими индивидуальностями, то совпадение этих двух техник просто немислимо. Однако и для формальных отношений нужны известные предпосылки содержания. Для осуществления определенных правовых форм необходимы моральные предпосылки. Из первобытного синтеза быта развились впоследствии мораль и право, поэтому исторически приходится говорить о возникновении права лишь с того момента, когда оно выделилось из быта, как таковое.

Но этим же давалось начало различию между частным, личным и общественным. Лич-

ное и общественное дифференцировалось из рода, из семьи. Быт был связан с кровью, когда же он разбился на общество и личность, то и обычай перешел в право и мораль.

Теперь право и мораль стоят отдельно друг против друга, но легко констатировать, что международные, например, отношения никаких норм не имеют, так как все то, чему приписывают название международного права, все это сводится к ничему не стоящим, крайне непрочным формам. Юридичность лиц здесь еще не вступила в дело, а сущность их еще не сознана.

Как бы там ни было, но веками воспитывающееся, в плоть и кровь всосавшееся рабство с ужасом твердит: "Как... Что... Работать... Работать... Довольно бездельничать, нужно работать..." Так лошади, привыкшей вращать мельничный жернов, кажется, что она пустое место, если день или два ее не выводили на работу. Так вышедший в отставку чиновник сразу начинает умирать, ибо его оторвали от почвы. А зачем работать?

Объективно этим вопросом не задается никто из рабов, а субъективно, он просто не может ничего не делать, — рабство подымается у него с души, распирает его, он задыхается без работы, или... бездельничает, потому, что безделье в работе есть сущность раба. Своей работой он хочет спасти культуру... Какую культуру? Зачем? От кого спасти? Все это неизвестно, но так как в его душе никакой культуры нет, то ему и кажется, что культура есть нечто в роде валящегося забора, который все время необходимо деятельно подпиирать...

Такова, например, психология интеллигента и нужно заметить, что большевизм также ведь является типически интеллигентским порождением. Из психологии, которая твердит все время о "работе", вырабатывается презрение к массам у такого хорошо обточенного винта, какого представляет из себя дельный большевистский комиссар. Этот комиссар начинает постепенно представлять себя с бичем и скорпионом, которыми он заставит работать бездельников. Он совершенно не представляет себе, что между ним и любым городским или управляющим промышленным предприятием частно капиталистичес-

кой эпохи нет никакой разницы не только формально, но и по существу.

Даже более, он в своей наивности воображает себе, что делает святое дело стоя на коленках перед идеей и подхлестывая непокорных ниже склонить их головы перед обожаемым им идолом.

В правовом государстве эксплуататоры защищали порядок, а в государстве экономическом они защищают промышленность от "разрухи".

Самое ужасное тупоумие есть тупоумие самоуверенное, а такими ведь большевики были от рождения, ибо все от начала и до конца их жизнеотношение напоминает тех людей, которые по Достоевскому, режут как быки на весь мир.

Как бы там ни было, но для каждого сознательного человека общественность в любых ее формах есть, была и должна оставаться только средством, как отдельный конкретный человек, наоборот, никогда не должны быть только средством. Истинное объединение людей возможно не на почве идей-понятий, а на совсем иной.

Самая тонакая власть — власть идеи и самая свирепая борьба за власть — есть борьба за "мою" идею. Поэтому собрание объединенных только идей людей есть собрание соперников, так как у каждого основной идеей есть личные обертонны.

Человек, который борется и умирает "за идею" есть претендент на корону, деспотизм идейный — самый беспощадный, и турнирной подготовкой к окончательной борьбе являются споры.

Спор никогда никого не переубеждает, но в нем противники точат свои языки, как раньше учились владеть мечами.

И если два идейно согласных человека в то же время живут в действительности в дружбе, то это говорит о том, что дружба их коренится в чем то еще.

Самолюбие и честолюбие — альфа и омега идейных людей, поскольку они остаются только идейными.

На таком базисе общественность расцвести не может. Туган-Барановский чувствовал

это, когда говорил в своих книгах о том, что существуют два рода людей — люди разрушители старого и люди создатели нового.

Мы скажем определеннее: существуют две породы людей — порода культурников и порода религиозников, задача же наша в синтезе свойств этих двух пород, причем синтез этот органически вырастает из религиозного основания в культурную окружность. Но такой синтез приводит к синтезу анархического общества, как царства Божия на земле и Человекобог, не в смысле Ницше, сливается с Богочеловеком.

Люди-культурники исходят из личности и только с нею имеют дело. Для них человек — только винт общественного механизма, только социально-экономическая категория. И как винт имеет смысл, значение и право на существование поскольку существует машина от которой он является составною частью, так и человек для этого типа людей — есть только и только продукт среды.

Когда все будет хорошо — говорят они, тогда будет хорош каждый.

Наоборот, люди-религиозники исходят из индивидуальности и не желают знать личности. Для них — общество есть арифметическая сумма индивидов. Когда каждый будет хорош, говорят они, тогда будут хороши все.

К первой породе принадлежит, например, Маркс, признающий только культуру и отвергающий религию. Примером второго может послужить Л. Толстой — отвергающий культуру и признающий только религию.

Но мы, анархисты, ищем синтеза, что корень и ствол есть религия, а крона — культура.

Понятно, что общественность есть та атмосфера, без которой индивидуальность не может жить и развиваться, но ясно и то, что живым началом и центром сил является только и только индивидуальность.

Однако нужно заметить, что благодаря историческому соседству и некоторым общим условиям возникновения, анархизм до сих пор не отделил себя резко от социализма и до сих пор еще имеет в себе некоторые голоса из социалистического хора.

Социализм вырос как завершение капитализма и, почистив немного свою физиономию, явился без пеленок весь насквозь проникнутый той идеологией, которую вынашивала буржуазия. То, что мы слышим теперь, как пролетарскую культуру, поэзию и т. д. все это рафинированное мецанство, воображающее себя свалившимся с неба. Социалисты не понимают, что сущность так называемого, буржуазного мироотношения заключается вовсе не в той или другой форме идеологии, но в самой идеологии, как таковой. Для того, чтобы пойти вперед, нужно перешагнуть не через ту или другую идеологию, но вообще через всякую идеологию.

Поэтому то и анархизм, если он хочет правильно понимать себя, должен принимать мир, общество, анархию не через идеологию, а если так можно выразиться, сквозь идеологию, независимо от нея.

Социализм никогда не сможет ответить на вопрос — является ли социалистическое движение XIX века результатом движения или сознания, но анархизм может создавать движение, исходящее определенно только из сознания.

Поэтому задача анархиста не пропаганда своих идей, но указание путей освобождения каждого, а это совсем другое дело. Я говорю людям об освобождении, но другой может говорить другое, указывая иной путь. Если я предлагаю людям яблоки потому, что только их и имею, то зачем мне ссориться с тем, кто предлагает груши. Кто захочет что, тот то и возьмет.

"Моих" идей у анархистов быть не может. Борьба за идею имеет не больше смысла, чем борьба за "икону" или за топор, или за кастрюлю. Для анархизма идея — только оружие. Анархист не может иметь "твердых убеждений" потому что убеждение — есть мать предрассудка и бабушка предрассудка.

Мир можно воспринимать материалистически, идеалистически, реалистически, феноменалистически и еще как угодно, но одно восприятие годно для одного, а другое для другого, во вселенной же есть и те и другие восприятия, ибо солнце светит одинаково и на добрых и на злых. Весь вопрос в целесообразности, а она может быть другая завтра, чем сегодня. Берг-

сонизм и прагматизм имеют столько же прав на существование, сколько и любое другое мировоззрение. Не надо только думать, что какое-либо из них имеет особенно много таких прав. Все философские системы, все идеологии имеют значение лишь постольку, поскольку они воспитывают личность для самосознания индивидуальности.

И анархисты лишь постольку могут считать себя материалистами и позитивистами постольку они еще не освободились из чуждых им по существу пеленок социализма.

Индивидуальность смотрится в миллион зеркал, и видит себя самое в миллионах отражений, летающих в покров вечно-цветущей Майи. Вечно женственное разлито в природе и женщина находит его в зеркалах. Через отражения рождается самосознание, но раз оно родилось, отражения должны уступить место сущности.

Что такое свобода? Свобода есть внутренняя необходимость. Но и обратно: необходимость есть внутренняя свобода. Свобода не есть произвол, произвол же есть случай. Извне впитывает индивидуальность необходимости и необходимость и внутри перерабатывает их ассимилируя с собой, чтобы превратить в свободу. Такой путь освобождения в его пассивной части. Творчество — активная часть этого пути. Но ассимиляция необходимости есть память, привычка, построение самого себя, оформление своей воли. Оформленная же воля есть закономерность, постоянство. Поэтому то все постоянства природы суть оформления воли существ, которых Платон называл идеями. Волящие идеи стоят за постоянствами мира. Но нам эти идеи являются как тени в пещере, как понятия в черепе. Идеи же суть имена и числа, пифагоровские числа, которые не суть количества по сущности "царящие над богами и людьми".

Где скрещиваются звенья двух цепей необходимости — там возникает случай, рождается зло. Но там, где начинаются все необходимости, где начало всех цепей, там и начало зла, ибо там царство случая, т. е. хаос. Но с другой стороны начало всех цепей в абсолютной воле имманентной самой себе, т. е., в абсолютной

свободе, в изначальном Добре. Так изначальное Добро и изначальное Зло исходят из единства. Таков космический путь освобождения. Ибо когда идеи — индивидуальности и воли смотрят в зеркало человеческого ума, они получают из него оболочку личности в виде понятий и таким путем через человека получают самосознание и свободу. Процесс освобождения человека есть процесс освобождения всего Космоса.

Поэтому, как Христос должен родиться в каждом человеке, так и шестидневное творение длится в каждом из нас. Христос в человеке есть Логос, которым создается в вечности мир, когда над бездной звучит "да будет".

Но каков же конкретный путь ассимиляции необходимости. Это путь переживания себя в другом или мудрость и путь переживания другого во мне — т. е. любовью.

С помощью сочувствия, сострадания, сопереживания я проникаю в чужую необходимость, чтобы взять ее затем в себя и оживить во мне. Путем мудрости подхожу я и путем любви ассимилирую.

Так постепенно я делаю моими переживаниями переживания людей, животных, растений и минералов, так превращаюсь я в того, кто эманцирует и эволюирует вселенную.

И первые шаги на этом пути человек делает в обществе себе подобных. Освобождая общность, он творит культуру, освобождая индивидуальность, он творит религию.

Только тогда, когда религиозная сущность узнает себя в оболочке культуры, а культура будет вырастать из зерна религии, только тогда станет возможным истинное царство свободы, царство Божие на земле, царство Анархии.

И чем сильнее наша воля к нему, чем больше жизни вкладываем мы в наше стремление к освобождению, тем скорее оно родится на земле.

В формах общественной жизни, творчество свободы само принимает общественный вид. Борьба за безгосударственное общество предостерегает тем, кто стремится к воплощению свободы в общественной жизни.

Но сущность силы государства психологи-

чески обосновывается на инерции индивидов, которые слагают с себя часть своих обязанностей, передавая их государству. Поэтому государство может пасть только тогда, когда индивиды научатся все свои обязанности оставлять при себе. Если раньше такую роль играла собственность, то теперь должна сыграть обязанность. Когда обязанности станут совершенно частными, тогда государство должно будет исчезнуть.

Таким образом уже теперь анархическая организация, будучи организацией целевой по существу, должна быть техническим орудием, которым каждый пользуется для тех целей, какие он считает нужным преследовать. Организация, подобная государству, имеющая как бы свое собственное бытие, характерна тем, что снимает с каждого ответственность за его поступки и, приучая надеяться на нее, убивает инициативу.

Ничего подобного не может быть в случае организации анархической. Эта организация удесятеряет мои силы, как их удесятеряет, например, рычаг, но вся ответственность, вся инициатива остается при мне. Я уже не могу рассчитывать, что мое дело, мой долг, мою обязанность возьмет на себя кто-то другой. Если мое дело стоит, то я знаю, что оно стоит только потому, что я не работаю.

Поэтому синдикат резко отличается от свободной анархической организации тем, что он еще сохраняет элемент принудительности, власть большинства и т. п.

Теперь остается сказать несколько слов о том чувстве, которое начинает испытывать ана-

рхист при вышеуказанном построении общест-венности. Это с одной стороны, а с другой о том впечатлении, разброда и раздробленности, который производит на многих вид анархического движения. На первое можно указать, что такое чувство одиночества необходимо для обоснования и утверждения индивидуальной самосознающей воли и только благодаря ему может вырасти настоящее стремление к людям, любовь к ним, любовь не к "дальним", а к "ближним". Социализм есть любовь "к дальним", а анархизм — любовь к "ближним", т. е. единственно истинная, а не выдуманная.

Что касается впечатления разброда, то это впечатление получается от бессознательного сра-внения с социализмом. Забывают или не видят, что социализм есть только идеология, только финал идеологического изживания капитализма, тогда как анархизм пробивается подобно воде по все щели, сквозь все поры, ибо он несет но-вую, истинно новую культуру.

И нужно знать, что история — это мы сами. Нет никого кроме нас, кто бы творил ис-торию, и если мы сидим сложа руки, то и ис-тория сидит сложа руки. Поэтому как бы дале-ким ни казался анархический идеал он будет ближе только в меру нашей работы к его осуще-ствлению. Но и здесь нельзя во имя будущего приносить в жертву настоящее, убивать отцов ради детей. От такой жертвы откажутся и са-ми дети.

Наша задача жить и творить в вечности каждое мгновение.

ПЕСНИ БОРЬБЫ.

1. Песнь эго-анархиста.

Моя песнь — слепая вера, сплошное пре-ступление; моя песнь утопия и галлюцинация, экстазная молитва и безумная боль Свободно-го Тела, оплеванного рабами и властителями и распятого на кресте Государственности и Обще-ственности.

И как велик мир, как велики небо, сол-нце, луна и звезды, как велико все, что отра-

жается в широко-раскрытых жадных очах че-ловека и все загадочное, неведомое, скрытое от человеческого взгляда и смутно вырисовываемое умом его, — так велика моя песнь.

Первое слово моей песни — Мое "Я".

Первое слово моей песни — Моя Сущность.

Я — все.

Я есмь Я.

2. К оружию.

Проснись, народ! Или сон твой настолько крепок, что, даже плетя тиранов не может излечить тебя от него? Или ты настолько прогнал, что не можешь сбросить с себя ржавые цепи? Видишь бешеной тревогой сжата чугунная пасть набата. Старый набат умолк; он боится, он не верит в вашу мощь, о мои братья! Пусть зов его по прежнему звучит громко и молодо. Завоевом его доверие. К оружию!

Нам не нужно знамен! В каждой груди скрыто чудное знамя — горящая страсть мести. Эта месть сразит дряхлый мир; эта месть выстроит на его развалинах **Новый Мир — Храм Абсолютной Анархии**. Мы, борцы, преклоняемся пред тобою, о наша Великая Спасительница, Дочь Гибели, наша Предвечная Мать — Раз-

рушение. Ей! гради, Разрушение! К оружию! К оружию! к оружию! Не давайте сомнениям сковывать ваши стальные движения. Сомнения способны погубить ваш могучий, закаленный в стремлении интеллект. Прочь сомнения! Их не знает, пробудивший нас, **Дух Разрушения** и не знает их Великий Спутник Разрушенья — **Социальное Творчество**. Убьем же и мы безвольные сомнения и станем по силе равны титанам.

Народ! К мраморным дворцам, к пурпурным тогам, к золоту, к коронам. Убивай владетелей, покамест они тебя не убили! Народ! познай самого себя, измерь свои силы и разорви вековые пути. Открой глаза и увидишь: Ты уже озободен. В кровавом возмании приближается к тебе твоя Свобода.

Анатолий Консе.

—«0000000»—

НУЖЕН-ЛИ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД.

Как бы социалисты-государственники ни садирировали свои программы всевозможными благами и обещаниями, но все они страдают одним общим, хроническим недугом, заключающимся в признании ими насильственных методов строительства. Само собой понятно, что об этой части своих программ социалисты стараются умалчивать до поры до времени, или если говорят, то загадочно и туманно, что бы в этом темном вопросе не все было ясно и основывалось на гаданиях и предположениях.

То обстоятельство, что в период, предшествующий революции, социалисты блестяще разыгрывают чемпионов свободы, защитников обиженных и всегда резко выступают против насилия и произвола буржуазных правительств, — еще больше выставляет их в выгодном свете и не позволяет многим лучше приглядеться к ним и разглядеть их настоящую природу.

Социалисты, коммунисты, синдикалисты, индустриалисты все хором кричат против смертной казни, возмущаются и протестуют против преследований за политическую пропаганду, требуют освобождения политических, свободы пропаганды, восстановления поправных свобод печат-

ти, собраний, союзов и т. д. и т. п.

После всего этого, кто может сомневаться в добрых намерениях социалистов очеловечить и спасти страждущее человечество и вывести его на путь свободы и прогресса. Социалисты и коммунисты в Америке, не признающие насилия даже по отношению к своим злейшим врагам — отдельным капиталистам, могут ли они после революции и захвата власти применять насилие к тем рабочим, которых они "освободили"? Одна мысль о такой возможности казалась бы нам невероятной и чудовищной, если бы на опыте русской революции мы не видели примеров, более, чем подтверждающих подобное предположение.

Большевики в России выступали защитниками поправных прав народа, сторонниками всяческих свобод и противниками всякого насилия только до тех пор пока не очутились сами у власти. Тогда картина совершенно изменилась. Большевики вытащили наружу и объявили красным камнем своего правления "диктатуру коммунистической партии". Началось насаждение коммунизма негодными средствами. И то, против чего боролись и восстанавливали раньше бо-

льшеники, стало теперь позволительным и необходимым. Можно было уже инакомыслящих расстреливать, заточать в тюрьмы, ссылать; можно было у крестьянина увести со двора последнюю коровенку; можно было запретить рабочим бастовать; можно было уничтожить всю не большевистскую печать, отдать страну под диктатуру одного лица, словом можно было проделывать под ширмой диктатуры такие вещи, о которых не снилось и не грезилося ни турецкому султану, ни китайскому императору.

Революционное рабочее движение всех стран многим обязано русской революции, хотя бы потому, что она воочию всех убедила в пагубности для революции какой бы то ни было диктатуры. Даже большевики вне России спохватились и, учитывая все возрастающую непопулярность диктатуры, стараются избегать употребления этого термина и вместо него в Америке, а также и в других странах, выдвигают идею "рабоче-крестьянского" правительства, являющуюся по своей сущности замаскированным видом "диктатуры".

Хотя в последнее время и среди социалистов, вследствие скомпрометированности "диктатуры", приходится встречать все меньше и меньше сторонников, но из этого еще не вытекает того, что сама эта идея, благодаря которой, главным образом, потерпела крах русская революция, окончательно дискредитирована и похоронена. Диктатура не встречает к себе больше сочувственного отношения со стороны народных масс, но вместе с тем она не утратила своего очарования для всех политических партий белых и красных, видящих в ней одно из могущественных средств для утверждения своего господства. Кучка политиканов, как, например, большевики, с помощью диктатуры, могла захватить в свои руки такую ромадную страну как Россия и хозяйничать в ней бесконтрольно. Подобный пример действует заразительно на все политические партии и каждой из них не чужда ставка на диктатуру. Если такая игра удалась большевикам, то почему-бы не прибегнуть к ней партии Милюкова, Керенского или какого либо другого претендента в правители России.

В этих случаях политические партии не

считаются с последствиями, к которым приводит их диктаторский режим. В данном случае важно лишь выбить из седла своего противника и удержаться во что бы то ни стало на захваченной позиции. Что касается последствий, то для политических партий это вопрос второстепенный. Каждый политикан понимает, что власть не может быть благотворительной, что она несет народу не радость и счастье, а беду и страдания, и что вследствие этого не имеет особенно важного значения и то обстоятельство — какая власть — белая или красная — бьет его кнутом по спине.

Исходя из всех этих соображений, можно сказать, что большевистская тактика захвата и диктатуры, даже после катастрофического опыта в России, все еще прочно сидит в головах не одних только большевиков, но почти всех политических партий и даже некоторой части анархистского движения. Само собой понятно, что каждая из этих партий, или течений, заимствуя большевистскую идею диктатуры, обрабатывает ее на свой лад, приспособляет ее, так сказать, к потребностям данного движения. Сущность диктатуры состоит в том, что она диктует, диктует и направляет всю жизнь страны в том или ином направлении. Но этим общим определением не исчерпывается понятие диктатуры. Это только оболочка ее, внешняя сторона; самым же важным в ней является внутреннее ее содержание, слагающееся из различных элементов.

Официальным выразителем большевистской диктатуры в России считается номинально коммунистическая партия, ее центральный комитет, вернее будет сказать "тройка", или просто один какой-либо партийный божок вроде покойника Ленина. Диктатура народников, конечно, должна разниться от диктатуры большевиков. Если бы она не была изображена в измененном виде, то не имело бы смысла и "огород породить". Каждая из партий, включающая в свою программу диктатуру, по понятным причинам, скрывает свои дурные намерения и представляет их в совершенно безобидном виде. Но все это не меняет сущности диктатуры, хотя бы мы и называли ее новыми именами: диктатурой

труда, переходной стадией или каким-нибудь еще более привлекательным именем.

* * *

Идея диктатуры не чужда и некоторым анархистским течениям, не вполне еще свободным от влияния марксистской идеологии. Сторонники этой идеи, в ее несколько измененном виде, в защиту своей позиции выдвигают приблизительно те же самые аргументы, что и большевики. Массы отсталы, ленивы, полны буржуазных предрассудков, не подготовлены, не смогут жить по-анархистски. А если это так, то не может быть речи о переустройстве современного общества на анархистских началах сразу вслед за взрывом социальной революции.

Исходя из этих соображений, индустриалисты выдвигают необходимость экономической диктатуры труда, а некоторая часть анархо-синдикалистов — свою идею переходной стадии. И в том и в другом случае эти понятия, называемые разными именами, выражают одну и ту же сущность: анархизм невозможен теперь, а лишь в некотором, пока точно неопределенном будущем, после того, как общество пройдет через чистилище переходной стадии и не раньше того, как оно будет вышколено по всем правилам анархистского катехизиса во всем, что полагается знать и ведать гражданину анархистского общества.

Понимаемая таким образом переходная стадия, необходимая что ли для образования и получения каждым гражданином аттестата анархистской зрелости, не могла бы пожалуй вызвать против себя резких возражений. В современном буржуазном обществе, в Америке, например, существует обязательное обучение детей грамотности. Правительство хочет, чтобы все были грамотны. Какова подоплека буржуазного закона об обязательном обучении — мы не будем в этой статье касаться, а лишь заметим, что идея всеобщей грамотности сама по себе не дурна: для каждого ясно, что грамотный человек просвещеннее неграмотного.

По тем же самым соображениям мы не стали бы осуждать и переходный период, если бы смысл и значение его заключались в насаждении своего рода всеобщей анархистской грамотнос-

ти. В соответствии с этим и задача сторонников переходного периода разрешалась бы просто. Все, что требовалось бы в таком случае это покрыть данную страну сетью школ анархистского типа и приступить к прохождению установленного курса. Успешные ученики усваивали бы науку анархизма в несколько месяцев, люди со средними способностями — в течение года или нескольких лет, малоуспешные задерживались бы в школе максимум, скажем, на десять лет и, наконец, некоторые ученики могли бы оказаться совершенно неспособными к усвоению анархистского учения и остаться, так сказать, "беспартийными".

Поскольку речь идет о воспитании людей в духе анархизма, то, как следует из только что сказанного, подготовка в этом смысле не требует ни особенно продолжительного времени и не связана с непреодолимыми затруднениями. Если буржуазное общество может наладить обязательное для всех обучение, то после сделанной революции не представится особых затруднений создать школы или курсы всеобщего обучения анархизму. И если теперь требуется 10—15 лет для окончания высшего образования, то для усвоения такого сравнительно несложного предмета, как анархизм, потребовалось бы гораздо меньше времени для того, чтобы общество в целом имело о нем ясное представление.

Но не в этом, однако, главная суть переходного периода. Если бы сторонники его не ставили себе иных задач кроме воспитательных и вся деятельность сводилась бы к созданию школ соответствующего типа, то это пожалуй не причинило бы никакого вреда общественному развитию. Вся беда в том, что "переходники" задачами такого невинного свойства не ограничиваются и присваивают себе роль не только воспитателя, но и руководителя других сторон общественной, экономической и политической жизни. Дело в том, что во всех этих областях они стремятся навязать всем свое понимание и свою волю в той или иной форме, отвечающей потребностям лишь одной какой-либо общественной группы. Все это необходимо, по мнению "переходников" потому, что в обществе не имеется еще предпосылок для анархистского

общества.

Посмотрим насколько верно такое утверждение.

Самое главное в анархизме, не выучка, не наука, а практика, умение не только рассуждать, но и жить по-анархистски. Анархизм более родствен и близок по духу простому трудовому народу, нежели некоторым велеречивым интеллигентам, философствующим о красоте этого идеала и его возможности осуществления лишь в отдаленном будущем. Если для так называемых просвещенных людей существование общества без власти представляет все еще неразрешимую проблему, то обыкновенными смертными — крестьянами и рабочими — она давно уже разрешена в смысле абсолютного отрицания власти.

Русская деревня больше всего жила не законами, а своей правдой, обычаями и, если в деревне появлялся становой или земский, то на него смотрели как на чужого, как на татарина и зло, от которого пока невозможно избавиться. Рабочий в городе смотрел на власть так же, как на нечто ему постороннее, ненужное и враждебное. Величайшим актом политической мудрости было бы, следовательно, предоставить крестьян и рабочих самим себе на второй день социальной революции и не заботиться о создании новых политических органов, хотя бы с самыми благими намерениями.

Уже один тот факт, что народные массы в России или в какой-либо иной стране совершают социальную революцию, свидетельствует сам по себе об известной подготовленности их к восприятию идеала такого общественного устройства, который имеет все преимущества перед другими системами. Народ, вне всякого сомнения, остановится на самой лучшей и свободной системе общества, какой является несомненно безвластие. Сбить его с верного пути и помешать ему в выборе и создании безвластного общества могут лишь такие элементы, которые, по тем или иным причинам, хотят задержать естественный ход развития социальной революции.

Поэтому всякая диктатура или организация общественного порядка в форме "безвластных" советов будет преградой на пути рево-

люции, ликвидаторским и реакционным явлением. Советы и всякие иные формы политической организации станут заботиться прежде всего о своем собственном утверждении и сохранении, все же остальное забудется и отойдет на задний план. Общественная группа, играющая в переходный период руководящую роль, больше всего станет интересоваться настоящим, нежели будущим, поддержанием существующего порядка, а не созданием высших форм свободного общества.

От революции не приходится ожидать чудес и преувеличивать ее значение. Революция — одно из проявлений эволюционного процесса, выполняющее разрушительную функцию. Своим ланцетом революция вырезывает наросты и злокачественные язвы на больном общественном организме, сообщая ему таким образом новые силы и энергию для творческого процесса. Следовательно, чем основательнее хирургическая операция, тем плодотворнее результаты революции.

Оздоровление общественного организма анархисты ставят в связь с необходимостью полного уничтожения таких язв, как государственная организация, власть во всех ее видах и формах и капитализм. Только после уничтожения, посредством социальной революции, этих преград общественного развития, возможно создание свободного анархистского общества. "Переходники", однако, сомневаются в возможности непосредственного перехода от капитализма к анархизму и отсюда вытекает их идея переходного периода.

* * *

Переходный период на наш взгляд представляет попытку остановить ход социальной революции на одном каком-либо определенном моменте и помешать созданию свободного анархистского общества. Утверждение "переходников", что Иван, Демьян да Петр не смогут жить по анархистски нам представляется произвольным и спекулятивным. Аргументами подобного рода пользуются для доказательства самых сомнительных положений и возмутительных дел. Иностранные капиталисты, грабя богатства какой-либо страны, оправдывают свою захва-

тную политику тем, что индус или китаец не дорос до того, чтобы использовать их надлежащим образом, а потому само Провидение велит им поступать таким образом, что бы наставить эти отсталые народы на путь цивилизации.

Такими же аргументами пользовались помещики для оправдания крепостного права в России, а русские цари — своего самодержавия. Крестьянин пропадет без барина, — говорили помещики-крепостники. Русский народ не созрел еще для того, что бы пользоваться политическими свободами, — говорили русские цари в оправдание самодержавия. Однако все такие утверждения не оправдались. Жизнь показала совершенно иное: ничего не случилось с крестьянами, а погибли помещики. Русский народ здоровствует и поныне, а самодержавие царей отошло в область предания.

Ничего особенного не случится, если будет уничтожено в России большевистское правительство и русский народ не позволит больше управлять собой никакой власти, никакому правительству, а станет жить по своей доброй волюшке, да своим народным обычаям. Это то и будет анархизм. Нам могут возразить, что подобный анархизм примитивен. Возможно, что это и так, но это все-таки будет анархизм — синица в руке, а не переходная стадия — журавль в облаках, который неизвестно когда еще попадет нам в руки.

Бояться того, что мы не сможем жить по-анархистски — нет никаких оснований. Только практика, а не теоретические рассуждения, может подтвердить или опровергнуть это предположение. Кроме того, надо также знать, что товарищи подразумевают под выражением "жить по-анархистски". Если под этим понимается известная ступень общественного развития, на которой, к примеру, все люди должны быть оперными певцами, писать книги по анархизму и обладать всеми иными известными нам талантами и добродетелями, то мы, грешные, безусловно далеки от такого состояния, и, конечно, созданное нами анархистское общество будет казаться простым сравнительно с достижениями сверхчеловеков-анархистов отдаленного будущего.

Но из того, что в данное время и при данных условиях мы не можем создать таких форм анархистского общежития, которые сможет создать наше потомство через 100—1000 лет — вовсе еще не следует того, что в настоящее время мы не должны строить анархистского общества в пределах нашего опыта и возможностей. "Переходники" как бы хотят видеть пришествие анархизма во всей его красе и славе, но не сейчас, а когда то. Мы, наоборот, полагаем, что анархистское общество возможно уже теперь, но оно начнется с азов, с самого простого, примитивного, и, путем постепенного развития, достигнет высот и вершин, перед которыми может поблекнуть самая пылкая человеческая фантазия.

Анархическая концепция общества не является исключением в общем процессе эволюции, значение которого состоит в том, что всякое социальное явление появляется и нарождается не сразу, а развивается постепенно, как, например, большое растение из маленького зернышка, или как взрослый человек из микроскопического семенного яичка. В этом смысле, как в органическом мире, так и в области социальных отношений, нет постоянства и устойчивости. Все изменяется и принимает новые формы. Ничего нет неизменного, непоколебимого, вечного.

Капитализм сегодняшний не то, чем он был вчера, десять, пятьдесят, сто лет тому назад, или в самый момент его зарождения. Сначала он носит ростовщический, торгашеский характер и сила его влияния в обществе почти неощутительна. Затем нарождается мелко-буржуазное производство, в свою очередь сменяемое крупным, машинным и фабричным производством. Более сложные и усовершенствованные машины вытесняют менее сложные. Нарождаются тресты, монополии. Появляются банки, биржевая спекуляция. Создаются все новые виды и формы комбинаций капиталистических предприятий. Буржуазный класс, в начале своего зарождения подневольный и одинаково с рабочими угнетаемый властью короля, феодалов и духовенства, постепенно освобождается от этих стеснительных уз, наносит смертельный удар

дворянско-королевской власти и становится сам господствующим сословием.

Тот же самый процесс развития можно проследить в истории религии, науки, искусства, государства и других областях жизни. Сначала появляется известная идея, перенимаемая известным кругом людей, затем распространяется все шире и шире, усложняется, видоизменяется и настолько отходит от своего первоначального прообраза, что утрачивает с ним всякое сходство. Никто в наше время не станет утверждать, например, что современное христианство похоже на христианство, существовавшее в древнее время, хотя бы уже потому, что именующие себя последователями Христа в наше время не проповедуют больше с своих кафедр о том, что бы поджаривать на кострах еретиков или устраивать над ними инквизиторские суды. Иными словами говоря, христианство эволюционировало, подвинулось вперед в развитии своих понятий и до известной меры освободилось от своих зоологических чувств.

Действия законов эволюции не могло избежать русское самодержавие, и эти законы теперь с непреодолимой силой напирают на твердыню большевистского самодержавия, заставляя новопеченных самодержцев идти на уступки запросам и требованиям жизни. Даже депоты и тираны, пресмыкавшиеся человеческой кровью, очеловечиваются и теряют свой звероподобный образ.

Все в общем не вечно под луной. На этом основании мы и говорим, что общество, измученное и терзаемое властью, должно покончить раз и навсегда, бесповоротно, с этим историческим злом, а заодно придушить и капитализм, что-бы люди в самом деле почувствовали себя свободными и равноправными. Ни капитализма, ни власти, а анархизм, т. е. право каждого на труд, на человеческую жизнь, нестесняемую и географически никакими писаными законами. Никаких переходных периодов и стадий, устанавливаемых хотя бы с воспитательной и подготовительной целью. Жить по-анархистски, без начальства, мы хотим начать без всяких проволочек и откладов так, как мы сможем, ибо мы не верим в таких учителей, которые настолько

всезнающи, что могут обучить всех и каждого "жить по-анархистски", ибо все это фикция и обман: можно обучить человека какому-нибудь ремеслу и профессии, но не народился еще такой человек, который мог бы научить меня, другого, третьего, всех людей, как "жить", т. е. как поступать в том или ином случае, что делать завтра, о чем думать сейчас, что предпринять в таком-то и таком-то случае, что ответить на вопрос, который мне может предложить человек, которого не знаю ни я, ни мой учитель, но которого я могу встретить когда-нибудь и т. д. и т. п.

"Переходники" говорят, что таким наставником, всеведущим и всезнающим, явятся учреждения и политические органы в форме "безвластных" советов (какой абсурд), которые будут с этой целью созданы в переходный период. Мы думаем, однако, по всем высказанным нами соображениям, что "переходники" "жить по-анархистски" вряд ли кого научат, ибо искусство как жить вообще вырабатывается каждым человеком в отдельности и самостоятельно. Невыполнимой задачей представляется это нам еще и потому, что жизнь анархистского общества не будет шаблонной, однотипной, одноформенной и втиснутой в какие-либо одни рамки. В таком случае это было бы похоже на казарменный, государственный коммунизм, с треском провалившийся.

В анархистском обществе все будут анархистами в том смысле, в каком в буржуазном государстве все являются гражданами, а в христианском или магометанском государстве — все считаются христианами или магометанами, хотя и не все могут быть верующими и не все могут быть идеальными гражданами и христианами. В буржуазном государстве не всех можно назвать капиталистами; однако, несмотря на обилие противников системы эксплуатации, современное общество носит название капиталистического в силу присущих ему главных двух характеристик: во-первых, права эксплуатации наемного труда и во-вторых, узаконяющей и охраняющей его власти.

Все, что нужно для перехода к анархизму — это уничтожение этих двух китов, поддер-

живающих капиталистическую систему.. Не будег власти, следовательно, будут на-лицо все предпосылки для того, чтобы начать жить по анархистски. Все будут анархистами постольку, поскольку они будут избавлены от эксплуатации и всякой власти. Всех мы станем называть анархистами, но мыслить и жить будем по разному. Анархизм невозможно свести к одному символу веры, и заставить всех есть из одной тарелки и одной и той же ложкой. Важно не то, как мы будем жить в анархистском обществе — хорошо или плохо, — а самое главное это — сделать начало, начать жить по-анархистски, без всяких предварительных испытаний и подготовок.

Трудовые массы не мало варились в ка-

питалистическом котле и достаточно выварены для того, чтобы отличить плохое от хорошего, свободу от неволи, рабство от волюности. Другим рабочим, которыми считают себя "переходники", не следует только вносить путаницы в головы рабочих разглагольствованиями о разных переходных или что будет более верно — преградительных и заградительных периодах, а вместе с восставшим народом, в момент социальной революции, нанести смертельный удар вековечному врагу трудящихся — власти и капитализму, чтобы сразу-же начать жить по-анархистски, без всякой даже "безвластной" власти.

Февраль 1924 г.

С. Ш. Америкки.

Безвластник.

ПЕРВОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ.

А. Карелин.

(Продолжение).

ВТОРАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НЕСКОЛЬКИХ ЧЛЕНОВ ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

17-го — 23-го 1871-го года состоялась в Лондоне конференция нескольких членов Интернационала. На ней присутствовали 13 членов Главного Совета, дочери К. Маркса, 6 бельгийцев, два члена Интернационала из Швейцарии (в том числе г. Утин) и один испанец.

На этой конференции почти не было делегатов от секций Международного Товарищества и она наметила только общий смысл резолюций, представив их редактирование Главному Совету.

Члены Конференции (эта ничтожная по числу и составу группа лиц) "запретили" членам Интернационала называться сектанскими именами, например, "коллективистическими" или "коммунистическими" группами, и было запрещено устраивать отдельные группы со специальными целями, например, "секции пропаганды".

Эти решения Конференции были необоснованы и непрактичны. Они противоречили 10-му § Устава Международного Товарищества, в ко-

тором значилось, что "объединенные братской связью солидарности и кооперации рабочие общества будут, тем не менее, продолжать существовать на основаниях, установленных ими самими".

Одна из резолюций этой Конференции читается следующим образом: "Конференция напоминает членам Интернационала, что в борьбе рабочего класса, неразрывно соединены его экономическое и политическое действие". Конференция не имела, впрочем, достаточных оснований напомнить Интернационалу принцип, провозглашаемый Марксом, но в то время отнюдь не признанный Интернационалом.

Затем Конференция, совершенно не считаясь с положением дел в некоторых странах, "запретила" секциям Интернационала (опять таки нарушая устав), организоваться в форме тайных обществ. Это запрещение не помешало, впрочем, Марксу пригласить на Гаагский съезд членов тайных секций — своих сторонников.

Швейцарской Федерации "коллективистов" Конференция предложила называться Федерацией Юры, что, впрочем, еще раньше предлага-

лось на местном конгрессе в С. Имье секцией Невшателья. Предложение Конференции сопровождалось такой мотивировкой, которая (как видно из фактов, приведенных Ж. Гилльомом в его книге "Интернационал" и т. д.) была нагромождением ложных сообщений.

До какой странной безтактности дошли постановления этой, будто бы международной Конференции, видно хотя бы из ее XIII/2 резолюции, ни к селу, ни к городу и против очевидности гласящей, что "конференция объявляет, что немецкие рабочие исполнили свой долг во время франко-немецкой войны".

Странное понятие о долге отряда международного пролетариата: он должен участвовать в вооруженном нападении на соседнюю страну! Три года до этой дикой резолюции на Брюссельском конгрессе было установлено Интернационалом совсем иное понятие пролетарского долга. К слову сказать, Конференция не сообщила потомству, исполнили ли свой долг во время этой братоубийственной войны французские рабочие.

Два члена этой малочисленной Конференции Робан и Ансельмо Лоренцо оставили о ней свои воспоминания, рисующие в непривлекательном виде ее главных участников. На Конференции была сделана попытка очернить М. А. Бакунина и Робан отказался участвовать в устроенной для этого комиссии. Он считал комедией такое положение дел, при котором К. Маркс — личный враг Бакунина — являлся судьей последнего. Не добром поминает Маркса и Ансельмо Лоренцо, а по поводу г. Утина говорит с злобещим и антипатичным лицом этого человека.

Широкие и глубокие следы Интернационала не считались с постановлениями этой Конференции.

ОТ КОНФЕРЕН. ДО ГААГСКОГО КОНГРЕССА

12-го ноября 1871-го года собрался конгресс "коллективистов" в Сонвилле. Ссылаясь на предложение Невшательской секции конгрессу в С. Имье и, игнорируя в своем постановлении решение Лондонской Конференции, конгресс постановил назвать представляемую им фе-

дерацию "Юрской Федерацией". В нее вошла и женевская секция пропаганды и революционно-социалистической деятельности.

Конгресс настаивал на том, что Главный Совет Международного Товарищества должен быть простым справочным бюро, что права, предоставленные ему Базельским конгрессом, должны быть у него отняты. В своем воззвании Юрская Федерация говорила, между прочим, следующее:—"будущее общество будет ничем иным, как всемирным распространением организации Интернационала. Поэтому мы должны употребить все наши силы, чтобы по возможности приблизить эту организацию к нашему идеалу. Возможно ли, чтобы свободное и равноправное общество образовалось из властной организации? Нет невозможно. Интернационал, как зародыш будущего общества, должен теперь же быть верным изображением наших принципов свободы и федерации и должен отвергать всякий принцип, клонящийся к власти и диктатуре".

"Бакунин, — пишет Ж. Гилльом, — с энтузиазмом принял воззвание, составленное в Сонвилле, и самым энергичным образом стал пропагандировать его принципы среди итальянских секций". П. А. Кропоткин, посетивший в то время Юру, так характеризовал выработанное Юрской Федерацией учение: — "критика государственного социализма, боязнь экономического деспотизма, более опасного, чем простой политический деспотизм; революционный характер пропаганды".

14-го ноября 1871-го года Гарибальди написал в письме к Тривульцио свою знаменитую фразу: "Интернационал, это — солнце будущего".

Все это время Бакунин защищал Интернационал от нападков Мадзини и пропагандировал идеи вольного социализма.

24—35-го декабря состоялся конгресс бельгийских секций в Брюсселе. Конгресс заявил, что Главный Совет должен быть только центром корреспонденций и справок и, постановив, что надо пересмотреть статуты Интернационала, поручил эту работу Бельгийскому Совету, а Бельгийский совет высказался за уничтожение Главного Совета.

В Испании некоторыми членами Интернационала был организован "Союз социалистической демократии". Этот союз немного переделал и сократил программу бывшего "Международного Союза социалистической демократии". Тем не менее, между союзом, организованным в Швейцарии Бакуниным и испанским союзом не существовало, конечно, организационной связи.

19-го мая 1872-го года в Локле состоялся конгресс Юрской Федерации. В докладе федерального Совета, представленном этому конгрессу, между прочим, значилось: "для рабочего безразлично, существует кантональное или централизованное государство. Пока буржуазия будет экономически господствовать над народом, она останется его политическим господином и, как кантональное, так и централизованное государство будут законными хранителями ея привилегий. Единственная политическая задача, которой серьезно могут заниматься рабочие, это абсолютная децентрализация не в смысле кантонов, но в смысле вольных коммун, созданных снизу вверх федерации не кантонов, а коммун".

Во Франции несколько секций Интернационала вновь стали существовать в виде тайных обществ.

Главный Совет издал направленную против анархистов брошюру под заглавием "Мнимый раскол в Интернационале, частный циркуляр Международного Товарищества Рабочих". Это произведение было переполнено неправдой и представляло из себя, по словам анархистов, "кучу грязи". Несколько членов Интернационала резко ответили на этот "циркуляр" Главного Совета.

2-го июня в Веве, состоялся конгресс "романской" (не анархической) федерации и он выработал проект "Швейцарской Федерации секций Интернационала". По этому проекту каждая входящая в федерацию секция должна была признать резолюции Лондонской Конференции. Цюрихская конференция высказалась против такого признания и из проекта ничего не вышло.

Главный Совет назначил Международный конгресс в Гааге. Этот совет принял, далее, в Интернационал "Новую Мадридскую Федерацию", состоявшую из 9-ти человек — сторо-

ников Маркса. "Emancipation", — орган марксистов в Испании, — напечатал известные редакции имена членов "Союза социалистической демократии", сделав таким образом политический донос.

24-го июля 1872-го года Фридрих Энгельс написал испанскому федеральному Совету письмо, требуя список членов Союза социалистической демократии с указанием их деятельности в Интернационале. Энгельс требовал расследования характера и деятельности Союза и сведений о его организации и разветвлениях и закончил это письмо фразой: — "не получив категорического и удовлетворительного ответа с обратным курьером, Главный Совет считает необходимым публично донести на вас, как в Испании, так и за-границей, как на нарушителей буквы и духа общих статутот и как на предавших Интернационал в интересах тайного общества, которое не только чуждо, но и враждебно Интернационалу".

Испанский Совет дал Энгельсу резкую ответ. Он заметил, что угрозы не интересуют его, но что из чувства собственного достоинства он не ответит на вопрос Энгельса. "Вы требуете от нас, — писал Федеральный Совет — ни более ни менее, как такой услуги, которую глава государства мог бы требовать от своего департамента полиции". На гаагский съезд члены испанских секций послали явных членов "Союза социалистической демократии".

4-го августа собралась в Римини конференция итальянских секций (21), организовала федерацию и, в виду поведения Главного Совета и постановлений Лондонской конференции, отказалась послать делегатов на Гаагское собрание и решила созвать конгресс федераций, не признающих власти Главного Совета.

Вот текст постановления этой конференции: "Принимая во внимание, что лондонская конференция (сентябрь 1871-го года) пыталась навязать 9-й резолюцией всему Международному Товариществу Рабочих специальную властную доктрину, которая как раз является доктриной немецкой коммунистической партии, что Главный Совет пользовался всеми недостойными средствами, такими, как клевета и мисти-

фикация, с единственной целью привести Международное Товарищество к единой специальной авторитарной коммунистической доктрине, что Главный Совет превосшел меру своих недостойных поступков, издав свой частный циркуляр от 5-го марта 1872-го года, в каковом циркуляре, продолжая свое дело клеветы и мистификации, он проявляет всю свою жажду власти..., что редакция Главного Совета вызвала революционную оппозицию бельгийцев, французов, испанцев, славян, итальянцев и части швейцарцев и что было предложено уничтожить Главный Совет и пересмотреть общий устав, что Главный Совет по своим мотивам созвал общий конгресс в Гааге, пункте наиболее удаленном от этих революционных стран, — на этом основании конференция перед лицом рабочих всего света, торжественно объявляет, что с этого момента Итальянская Федерация Международного Товарищества Рабочих порывает всякую солидарность с Главным Советом в Лондоне, тем сильнее укрепляя экономическую солидарность со всеми рабочими и предлагает всем секциям, не признающим властных принципов Главного Совета, послать 2-го сентября 1872-го года своих делегатов не в Гаагу, но в Невшатель в Швейцарии, чтобы открыть там антиавторитарный общий конгресс“.

Конференция послала М. А. Бакунину — “неутомимому чемпиону социальной революции“ — братский привет.

Приглашение итальянцев не встретило отклика и невшательский конгресс не состоялся.

18-го августа 1872-го года конгресс Юрской Федерации выбрал 2-х делегатов на Гаагский съезд и дал им наказ о том, что Юрская Федерация желает уничтожения Главного Совета и упразднения всякой власти в Интернационале.

ГААГСКОЕ СОБРАНИЕ ДЕЛЕГАТОВ ИНТЕРНАЦИОНАЛА И ЛИЦ, НЕ ИМЕВШИХ ПРАВА БЫТЬ НА ЭТОМ СОБРАНИИ.

Так называемый Гаагский конгресс заседал от 2-го до 7-го сентября 1872-го года в Гааге. Это собрание разных лиц ни в каком случае не представляло из себя Интернационала,

так как многие лица, присутствовавшие на нем в качестве делегатов Международного Товарищества Рабочих, не были таковыми. При созыве этого “конгресса“ были выдвинуты подложные делегаты.

27-го июня 1872-го года Маркс писал Зорге, что американские секции могут послать полномочия для явки на конгресс Энгельсу, Лохнеру, Пфеилеру, Лесснеру и другим, всего 11 сторонникам Маркса. Но американские секции не послали этих полномочий, а Зорге попросту привез белые бланки полномочий, при чем Маркс и Энгельс пустили их в ход.

Лица, явившиеся на это собрание в качестве делегатов от немцев, не имели права присутствовать на конгрессе, так как от “их организаций“ не поступало взносов в Главный Совет, а только делавшие такие взносы организации имели право посылать на конгрессы делегатов. Но, если бы эти лица и могли присутствовать на конгрессе, все равно: они не могли бы обсуждать административные вопросы и вотировать по этим вопросам, так как таким правом пользовались только секции Интернационала, каковых в Германии не было. Это обстоятельство не помешало, впрочем, Куно, Дитцену, Гепнеру, Кугельману, Риттенгаузену, Шеу, Шумахеру назвать свои группы секциями Интернационала. Мильбе, назвавший себя делегатом берлинской секции, попал в очень неловкое положение, так как из Берлина были получены впоследствии сведения, что в Берлине не было секции Международного Товарищества Рабочих.

На этом конгрессе были, далее, такие лица, как Дюмон и Вильмо, которые вотировали против наказа своих секций. Был такой делегат, как Вальтер, который через несколько месяцев “раскался“ на суде и заявил, что будет врагом Интернационала. Присутствовал Шварм — простой шпион, Ранье, представлявший, как говорили, “секцию“ из трех человек, был и Лафарг, представлявший федерацию из 9 человек, принятую в Интернационал Главным Советом с нарушением правила, предписывающего Совету принимать новую группу, посоветовавшись с местной секцией Интернационала.

Итак, на этом собрании были делегаты от

сомнительных, загадочных и просто не существующих секций. Были и три делегата: один от немецкой секции в Лондоне, другой от французской секции в Лондоне, третий — от польской секции в Лондоне. Были, впрочем, и ставшие в оппозицию ко всем этим лицам настоящие делегаты Интернационала, но они составляли меньшинство. Это были 4 делегата Испанской Федерации, 2 — Юрской, 7 — бельгийской, 4 — голландской, 5 — английской — всего 22 делегата, а большинство конгресса состояло из сорока человек. "Только меньшинство этого конгресса, только оно одно представляло правильно составленные федерации, живые федерации, истинный Интернационал и Гаагский конгресс, приготовленный для того, чтобы задуть проявление мнений этих федераций, не мог быть чем либо другим, как покушением против Интернационала и, в действительности, был таковым", писал Ж. Гильом.

Гаагское собрание, с решениями большинства которого громадная часть Интернационала не считалась, назначило местопребывание Главного Совета в Нью Йорке. Во-первых, Маркс боялся, что оставленный в Лондоне Совет попадет в руки французских или английских рабочих, а во-вторых, так как Интернационал враждебно относился к Главному Совету, Маркс был не прочь распустить это, не ставшее его послушным орудием учреждение. "Так как было несомненно, — писал П. Кропоткин, — что Испанская, Итальянская и Бельгийская федерации примут сторону юрцев, то конгресс попытался распустить Интернационал. Он постановил, что новый Генеральный Совет, состоящий из нескольких социал-демократов, будет заседать в Нью Йорке, где не существовало рабочих организаций, которые могли бы контролировать Совет."

Интернационал продолжал все таки существовать, а значение переведенного в Нью Йорк Главного Совета тотчас же свелось к нулю.

Большинство собрания, после того, как треть его членом раз'ехалась, заявило, что оно исключает из Интернационала М. А. Бакунина и Жамеса Гильома, при чем против М. А. Бакунина было выдвинуто до нелепости странное обвине-

ние в том, что он организовал "Союз социалистической демократии", а за тем клеветническое обвинение в том, что он — воплощенное безкорыстие — путем угроз и шантажа присвоил себе чужие деньги. Введенная в заблуждение клеветой, неходившей от получившего сведения Маркса, выбранная собранием комиссия приписала М. А. Бакунину письмо, написанное С. Г. Нечаевым, а собрание на слово поверило комиссии, в свою очередь оклеветавшей Бакунина. Гильом тоже был "исключен" из Интернационала за принадлежность к "Союзу социалистической демократии", членом которого он никогда не был.

Нет оснований подробно останавливаться на резолюциях этого собрания, переполненного фиктивными делегатами Интернационала и запятнавшего большинство своих членов беззастыдливым деянием.

Все резолюции Гаагского собрания тем менее заслуживают внимания, что, настаивая на усилении власти Главного Совета, они не имели практического значения. Отметим здесь, что одна из резолюций Гаагского собрания говорила о необходимости для рабочих объединиться в политическую партию для завоевания политической власти, при чем говорилось, что "завоевание политической власти есть первая обязанность пролетариата", и политическая власть называлась "великим средством для освобождения трудящихся".

Такая, выдвинутая Марксом и предложенная на Гаагском собрании Вальямом тактика не была, конечно, оригинальной. Еще Луи Валь говорил, что народ, прежде всего, должен завоевать политическую власть, взять в свои руки власть законодательную, что политическая борьба должна быть подчинена экономическому и общественному освобождению народа. Последняя есть цель, первая — простое средство. (В. Черкезов. "Страницы социалистической истории").

Вне зависимости, конечно, от резолюции Гаагского собрания, рабочие многих стран были брошены интеллигенцией, полунинтеллигенцией и буржуазией на бесполезную и пагубную для них дорогу составления политической партии, в рядах которой они играли жалкую и пустую роль

ступенек для стремящихся к власти социалистов. И хотя такие партии назывались рабочими, социалистическими, коммунистическими, они дали только возможность интеллигентам и полунинтеллигентам принять на западе участие во властных учреждениях буржуазии, при чем рабочий класс остался так же далек от захвата этой власти, как и во время Гаагского собрания.

Нечего и говорить, что Главный Совет не имел возможности исполнить постановление Гаагского собрания об учреждении международных ремесленных союзов. Главный Совет не имел никакого влияния на рабочих.

Гаагское собрание дало Главному Совету право "приостанавливать до следующего конгресса деятельность секций, федерального коми-

тета или федерального совета и целой Федерации", но с этими (как и с остальными) постановлениями гаагского собрания в Интернационале не считались.

Меньшинство делегатов (4 испанских, 5 бельгийских, 2 швейцарских, 2 голландских, один американский) протестовали на заседании 7-го сентября против централистических стремлений Гаагского собрания и решили предложить своим федерациям входить друг с другом в прямые и непосредственные сношения, поддерживать и защищать свою автономию.

Интернационал, не говоря о небольшой его части, восстал против резолюций Гаагского собрания и решительно отмежевался от старого и нового Главного Совета.

(Продолжение следует).

ПРАВО И ВЛАСТЬ.

Ал. Атабекян.

Две основные деятельные силы направляют развитие жизни; это, с одной стороны, борьба за существование, с другой — взаимная помощь. Какое бы относительное значение мы ни придавали тому или другому фактору, но нет сомнения, что борьба за существование в развитом виде происходит не между отдельными особями, а между их объединениями, т. е. тоже принимает характер взаимной помощи для борьбы за существование.

Но объединения для борьбы не устраняют окончательно столкновения интересов внутри самих объединений, а потому общительный инстинкт выдвинул на высших ступенях развития новые формы разрешения противоположных стремлений помимо прямой борьбы грубой силой. Это — правосудие, нормы которого называются правом.

"Первобытная форма правосудия, выражающаяся в формуле: "Око за око, зуб за зуб", очевидно, не что иное, как подражание", говорит Элизе Реклю. "Возмездие, мера за меру, представлялось вещью вполне справедливою и даже на осужденного могло произвести впечат-

ление покаянного действия; кающийся грешник, конечно, должен находить справедливым претерпеть то самое, в чем он погрешил, и в такой же мере" *).

Таким образом в основу права, при его зарождении, легло не реальное соотношение сил тяжущихся сторон, но неограниченное господство сильного над слабым, а мерило справедливости — равенство.

С понятием о праве необходимо связывается представление о справедливости. Сила может превысить право, нарушить, но не изменить его.

А между тем, чему учат нас современные юристы?

"Формальная школа", — пишет Ф. Кокошкин, — "определяет право, как господство воли в определенной сфере отношений". По другому классическому определению "право есть совокупность правил поведения, устанавливаемых суверенной властью". Третьи, мнящие себя "научными" социалистами, утверждают, что "пра-

*) "Человек и Земля", русс. перев. стр. 80 и 176.

во есть результат борьбы за жизненные блага, общественная охрана восторжествовавших в ней интересов" и провозглашают диктатуру, т. е. неограниченный произвол власти, проводящий в жизнь те или другие цели, за право.

"Господство воли", правила поведения, устанавливаемые "суверенной властью", охрана ею же "восторжествовавших интересов" могут быть все названы законами государственной власти, но ни в коем случае правом, если они не удовлетворяют нравственному мерилу справедливости.

Связь между правом и этикой явна и неразрывна.

Хотя проф. П. Г. Виноградов находит, что "было бы крайне односторонним смотреть на право, как на минимум моральных предписаний", но нет сомнения с другой стороны, что никакое право немыслимо без соблюдения моральных норм.

А между тем юристы, отождествляя право с законами государственной власти, слепо приписывают последней, наперекор исторической очевидности и современной действительности, какие-то высшие свойства помимо проявления все возможных насилий, произвола и страстей, нередко питаемых болезненным душевным и умственным состоянием правителей (особенно когда они воодушевлены религиозными и общественными обновительными стремлениями).

Государственная власть присвоила монополию на отправление правосудия не для охраны права, неотделимого от справедливости, а для закрепления своего господства независимым от нравственного или безнравственного содержания своих велений.

* * *

Каким образом она достигает этого? Как зарождается и закрепляется власть?

"Добровольным подчинением объяснял Монтэнь в анонимном сочинении, долгое время приписываемом Ла-Бовэси", — читаем мы у М. Ковалевского, — "подчинение личности государству. Как бы ничтожен ни был правитель, если бы им, по выражению Монтэня, был не муж, а человек, *homme*, люди все же следовали бы велениям, изданным его именем и

стесняющим их свободу самоопределения. Как бы бессмысленны ни были отдаваемые им приказы, как бы ни противоречили они убеждениям и совести тех, на кого они направлены, послушание им все же было бы общим правилом. Какое заключение должны мы сделать из этого бесспорного и общепризнанного факта — то ли, какое современники религиозных войн и Варфоломеевской ночи (Монтэнь) выводил из него, говоря: "перестанем только повиноваться, и вековое рабство падет само собою", или то, что в психологии всех существ, призванных к общественной жизни, коренится неотразимый запрос на руководство.

"Те, кто высказываются в первом смысле, слынув в наши дни под названием анархистов. Социологическая доктрина происхождения власти и государства относится отрицательно к их учению, так как связывает вопрос о происхождении власти с более общим — о природе всякого руководства вообще. Источник его она ищет в психологии человеческих групп и даже групп животных" *).

Далее М. Ковалевский приводит ряд примеров из жизни животных и первобытных народов и, основываясь на них, утверждает, что "не одна физическая сила, но и умственная, духовная, необходимо предполагается в тех, кто выделяясь из толпы, становится ее руководителем. Необходимость же подчиняться чужим указаниям и велениям обуславливается не только большей способностью определенных лиц давать желательное направление общественным процессам, но и естественным, природным влечением большинства воздерживаться от той затраты умственной энергии, которая необходима для всякого производительного акта".

Попытки научно обосновать происхождение государственной власти и, в особенности, установить постоянство причин зародивших ее, что бы ими оправдать современное ее существование, настолько редки, что стоит подробнее остановиться на доводах такого выдающегося мыслителя и ученого, как Максим Ковалевский, когда он берется "социологической доктриной", т.

*) "Социология", т. II, стр. 197. П. 1910.

с. научно опровергнуть анархистское учение.

Прежде всего Ковалевский ссылается на Брэма, который описывает, что у обезьян "способнейший и сильнейший самец избирается вожаком, но достоинство это взвешается ему не общию подачею голосов, а достается упорною борьбою с соперниками, т. е. с другими старыми самцами. Спор решается зубами и кулаками; тех, которые не желают подчиниться добровольно, смиряют пинками и подзатыльниками; главенство принадлежит, бесспорно, сильнейшему. Рыцарской вежливости к слабому полу вожаки не соблюдают и любви добиваются также силою. Самки не смеют заводить любовных интриг с молодыми самцами: властелин зорко наблюдает за ними и строго наказывает провинившихся. В любви он шутить не любит. Он так немилосердно бьет и треплет самок, которые позволяют себе какие-либо вольности, что у них пропадает охота к подовного рода поступкам; виновному молодому самцу достается еще сильнее..

"....С своей стороны он (вожак) постоянно заботится о безопасности своих подданных и потому суетится больше всех. Он всюду озирается, ничему не доверяет, и, вследствие этого, почти всегда во время узнает об опасности" *).

Мы привели эту выдержку из описания общественной жизни обезьян более подробно, чем это сделал сам М. Ковалевский, потому что он ссылается на него как на пример зарождения власти. Но если не принимать образные выражения Брэма "вожак", "властелин", "подданный" в буквальном смысле слова, то едва ли можно найти в описанных явлениях что-либо схожее с общественной властью, кроме разве фактов насилий. Хотя нет власти без насилий, но не всякое же насилие тождественно с нею.

Так любую драку можно было бы причислить к проявлению власти.

В описании Брэма ясно обрисованы явления полового отбора, называемые в человеческих обществах любовью и ревностью; столь же неосновательно приравнивать вытекающие из них насилия к зачаткам власти, как и уподоблять ей семейные распри и романтические дра-

мы у людей.

Еще менее убедительна ссылка на слова Топпинара, что у слонов "наиболее благоразумный и бдительный является вожаком". С таким же основанием в современных обществах можно было бы отнести к власти имущим вожакам заведующих метеорологических обсерваториями, которые неустанными, бдительными наблюдениями предупреждают земледельцев и моряков о грозящих их благоденствию или жизни атмосферических невзгодах.

Точно также многие бытовые явления из жизни отсталых народов, приводимые Ковалевским, скорее указывают на зарождение в первобытной среде особых "квалифицированных" отраслей искусства и знаний, чем власти в собственном смысле слова. Можно ли уподобить хотя бы зачаточным видам современной власти обычай, существовавший у краснокожих Америки, подготавливать себе способных и выносливых кандидатов в военные руководители или вожди ("спецов", сказали бы теперь), подвергая их "столь жестоким" испытаниям, что многие неспособны были выдержать их?

То же самое можно сказать о весьма распространенном у первобытных племен "руководительном" старейшине, т. е. людей опытных и сведущих в обычном праве и хозяйственных вопросах. То обстоятельство, что при иной обстановке, на время войны, руководство принимает на себя человек "умственно и физически более квалифицированный", как это практикуется, например, у австралийского племени Курнаи, показывает, что мы здесь имеем дело не с властью в обыкновенном значении слова, а с возникновением различных общественных призваний. Разве не к подобной же квалифицированности относится признаваемое за кудесниками искусство призывать дождь или засуху, вызывая их и т. д.? Уподоблять влияние и преимущества чародеев и знахарей в первобытных обществах зарождающейся государственной власти, столь же мало основательно, как было бы странно отождествлять с нею положение современных ученых, врачей и разного рода специалистов, хотя все они или находятся на услужении у государства, или

*) "Жизнь животных", т. I, стр. 608.

пользуются сами более или менее значительным влиянием в обществе.

Но наилучшее доказательство позднейшего происхождения государственной власти в истории развития человека, а именно в период распада рода-племени, дает нам сам М. Ковалевский. "Государство", пишет он, "не было на первых порах охватывающим всю жизнь человека общежительным союзом. Оно только восполняло собою деятельность более ранних по времени форм сообщества тотемического клана и сменившего его рода-племени, в среде которых постепенно развивается семья, сперва материнская, а затем отеческая. Не мудрено поэтому, если и функции государства, полицейские, законодательные, судебные на первых порах весьма ограничены. Нельзя сказать, чтобы оно с самого начала сосредоточило в своих руках даже ту заботливость о сохранении внутреннего порядка и мира, внешней безопасности и правосудия, которые считаются ныне его исключительным достоинством. Клан и развившиеся из них роды продолжали осуществлять кровную месть, частное посредничество заступало место судебной расправы, осуществляемой от имени государства, а временные союзы кланов и родов под начальством избранного ими временною вождя принимали на себя задачу охраны занятой родом территории, независимо или бок-о-бок с княжеской дружиной, только со временем перерождающейся в народное ополчение.

"... Что в сфере правосудия государство не принадлежит на первых порах решающее слово — это выступает хотя бы из того, что, принимая на себя посредничество между сторонами, князь или действующий его именем и им уполномоченный судья требует от сторон, чтобы они высказали наперед свое согласие подчиниться постановленному приговору" *).

Если мы зададим себе вопрос каким образом могла возникнуть государственная власть и постепенно охватить всю жизнь человека, то начальную причину этого явления придется искать не в мнимом естественном, врожденном влечении

человека к подчинению воле других людей, приобретших особые профессиональные знания, — военных руководителей, ученых жрецов, кудесников, чародеев, знахарей и т. д., — как это утверждает М. Ковалевский, а в другой особенности человеческих обществ, в весьма распространенном на разных ступенях их развития институте рабства. Это последнее установилось не каким то неотразимым влечением человеческой природы к подчинению чужой воле, а иными психологическими свойствами ее.

"Человек", говорит Элизе Реклю, "представляет собою животное, легко поддающееся приручению, вроде того, как например, собака, и разные другие виды. Его укрощали то лаской, то угрозой, а потом держали в рабстве уже силою привычки. А кто овладеет волею человека, тот располагает его силами и его жизнью" *).

Без этой податливости к приручению человека человеком существование государственной власти было бы невозможно. Добровольное подчинение личности государству, признаваемое М. Ковалевским вместе с Монтаном как бесспорный и общепризнанный факт, далеко не естественная потребность человеческой души. Оно достигается и поддерживается теми же приемами, как и приручение животных: главным образом наказаниями и устрашением.

III. Летурно приводит пример, как в XVII-м веке католические монахи подчинили себе особое первобытное племя, с почти черной кожей, отличное от краснокожих, обитавшее в некоторых местностях Калифорнии. Эти "дикари" оказались не очень-то свирепыми, так как "католическое духовенство смогло без больших усилий их организовать в своего рода поселения, похожие на парагвайские, подчинить их рабскому труду под кнутом надсмотрщиков, и принудить их к единобрачию **). То, что осуществили католические монахи, так сказать, в порядке опыта, не является ли естественным путем развития государственной власти вообще?

Сходство между частным рабовладением и государственною властью, расплавающей свобо-

*) Новый Энцикл. Слов. Брокгауза и Ефрона, слово Государство, кол. 555—556.

*) "Человек и Земля", рус. перев., стр. 156.

**) L'évolution politique, Paris 1890, p. 30.

дой, имуществом и даже жизнью своих подданных, полное, не только по своей сущности, но и в приемах закрепления.

Приручение человека человеком не во всяком возрасте одинаково легко удается, успешнее всего оно достигается в молодости. Первобытные племена при набегах на своих более слабых соседичей, убивали взрослых и стариков, в плен же и рабство брали молодых, преимущественно подростков, детей и матерей *). Нежный детский возраст наиболее благоприятен для приручения. Муравьи-рабовладельцы даже похищают своих будущих рабов в состоянии личинки. Не по этим ли соображениям мало-мальски организованная власть берет в свои руки дело народного просвещения, чтобы воспитать подрастающее поколение в покорности и послушании себе?

Но наиболее могучим и действительным средством для приручения народных масс и подчинения их правящему меньшинству было и остается **устрашение**. Удивительно, как такой вдумчивый наблюдатель, как Максим Ковалевский не обратил должного внимания на роль карательной системы в создании мнимого добровольного подчинения личности государственной власти.

В этом деле государство поступает столь же сурово и жестоко, как это делали частные рабовладельцы. Наиболее строгие наказания расточаются за неповиновение и противодействие органам власти. Человек не имеет права выйти из подданства данного государства без его согласия, точь в точь как раб не мог покинуть своего владельца. Государственная власть, устанавливая налоги, отбирает по своему усмотрению часть достояния своих подданных, точно так же, как рабовладелец располагал плодами трудов своих невольников. Даже сама жизнь человека не всегда ограждена от его усмотрения:

*) Последних укрощали естественной материнской привязанностью к детенышам. Известно, что в Южной Африке европейцы, чтобы заручиться негритянской, как рабыней, похищали у нея ребенка, после чего мать добровольно являлась к похитителю.

в законодательстве большинства стран смертная казнь продолжает существовать далеко не как платоническая угроза.

Все эти рабовладельческие приемы для удержания в повиновении невольников, государственная власть проводит по отношению к своим подданным под видом **права**, которое, как мы видели выше, сводится в идеологии государственности, к "господству воли", проще выражаясь, **произвола над людьми**.

Тщетно мы стали бы искать в деятельности государственной власти ту разумную "затрату умственной энергии, которая необходима для всякого производительного акта", — того особенного **почина и изобретательности**, которые приписывает ей М. Ковалевский. Склонность держаться старого, если не всегда по форме, то по существу, не меньше свойственна правительственным органам, чем массе. Прогресс подталкивается личным почином из народных же масс, а не из чиновничьих канцелярий. Ярким доказательством сказанному служит сохранение в законах убийства за убийство, — смертной казни, — между тем как уже в отдаленные исторические времена ее заменяли **виroy**, а в наши дни она решительно противоречит современной этике.

Мало того. Государственная власть попирает нормы даже первобытного права, — воздаяние возмездия мера за меру, — и выносит смертные приговоры в случаях ничего общего не имеющих с убийством. Так некогда рабовладельцы умерщвляли невольников за простую попытку к побегу. Подобно рабовладельцам власть сплошь и рядом заменяет право, по характерному выражению самого М. Ковалевского "судебной расправой".

Таким образом, простой беглый критический разбор этнографических и исторических доводов в пользу государственной власти устанавливает, что она по своей сущности, как в теории, так и на практике, является отрицанием права.

Кто признает власть, тот тем самым оправдывает рабство, ибо государственная власть есть не что иное, как сохранившийся до наших дней особый вид рабовладения — **монополия рабства**.

БРОДЯГА СУХОПАТЫЙ

"Без крова, без тепла, с тоской в
погасшем взоре

Идут, идут в неведомую даль,
Несут с собой тоску, широкую как
море,

И острую, как колющая сталь."

Вздыхая пыль дорог, топча траву степей,
Спешит вперед бродяга Сухопятый;
Он Бега яд в больной душе своей,
В душе его: Дорожное Проклятье.

Идет Сухопятый тоскою томим
И ищет Заветного Края,
И южное солнце смеется над ним,
Лучами бродягу лаская.
Навстречу ему улыбается лес,
Желтеют покосы и нивы,
Идет он под призрачной крышей небес,
Поникнув всклокоченной гривой.
Сверкают в морозных покрывах поля,
Сияет на дереве иней,

Идет Сухопятый, идет без конца,
Озябший, от холода синий.
Кровь каплет, стекая с худых его ног,
Грудь сохнет от кашки больного;
Бродяга все ищет среди разных дорог
К Заветному Краю дорогу.
В тот Край где нет тюрем и нет палачей,
Нет слез и голодных проклятий;
В тот Край, где миллионы свободных людей
Живут, как родные, как братья;
Где царствует Вольный и Радостный Труд,
Где мир и покой обитают,
Идет Сухопятый измучен и худ
И руки вперед простирает.

Вздыхая пыль дорог, топча траву степей,
Спешит вперед бродяга Сухопятый;
Он Бега яд в больной душе своей,
В душе его: Дорожное Проклятье.

Анатолий Консе.

"ГРЯДУЩЕЕ БОРЬБЫ".

"Путь к анархии — кровавый
путь, который много раз орошится
кровью тружеников и кровью тира-
нов, мешающих осуществлению анар-
хии".
П. М.

Рабочий под игом власти изнывает
Агонию страданий тяжелых он переживает!
Борясь с врагом, вперед зовет с собой,
С насилием в борьбу — в открытый бой.
Творцом своей он жизни хочет быть,
Владеть самим собой, безвластной жизнью
жить;

От ига рабского избавиться на веки
хочет он,

Порвать позор своих цепей, сломать закон.
Орду всеильную — владык земли,
Зовет рабочий поразить в восставшие дни:
Отпор зовет он дать тиранам и властям,
Разбить, стереть с лица земли, их рабства
стан.

* * *

Алая кровь течет из ран рабочего.

Напора враг не ожидал могучего!..

Анархии борцы, сплотятся дружно в ряд,

Разбить своих врагов хотят ценою крови;
Хотят сразить всеильной власти подлый яд.
И царства рабского насильные устои,
Ярмо проклятое, господ, тиранов,
Борцы сорвать хотят в борьбе кровавой.
Единой силою, сплоченной на борьбу,
Зовут они восстать и положить предел
Властолюбивому насильнику врагу,
Лелеющему рабский всем удел.
Анархия грянет, час места не далек,
Свободный путь прекрасный, всех людей
уваж.

Творцами жизни новой стать рабы хотят:
Их тиранов казни больше не страшат.
Единство их сила, — единоборцев рать—
Связанных идей, власти не унять!
Вольное слово повсюду разносится,
Общие крики, протесты доносятся:
Будят замученных долей несносною,
Оковы сорвать призывают скорей,
Долю рабочего сделать светлей.
Анархии пламя зажечь среди людей!

П. Михайлов.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ «ДОСТАТОЧНОСТЬ» СИНДИКАЛИЗМА.

П. Рихард.

Ожесточенная кампания, поднятая воинствующими революционерами против "клики техловких политиканов, которые пытаются навязать свои догмы независимому рабочему синдикализму", получила официальное подтверждение на состоявшемся недавно конгрессе.

Эта крайняя формула обособления была незнакома нашим старым соратникам; ведя систематическую и упорную борьбу с авантюристами, приставшими к синдикалистам в расчете на удовлетворение своих больших или малых appetitov, они ограничивались тем общим положением, что "синдикализм есть движение самодовлеющее"...

То же на протяжении многих лет старались доказать и синдикалисты-революционеры, проникшие духом и идеями анархизма, но мы вправе усомниться — полагали ли они когда-либо, в действительности, что этой именно формой борьбы с капиталистической эксплуатацией исчерпываются методы и средства революции.

* * *

Однако несомненная искренность защитников новой формулы обязывает нас видеть здесь не случайную вспышку, свидетельствующую о минутном раздражении или недовольстве. Принимая ее, напротив, как нельзя более "в серьез" и признавая за ней крупнейшее идейное значение, мы хотели бы выяснить, действительно ли синдикализм должен следовать ригористически этому строгому "обособленному" принципу, и осуществима ли, в особенности, эта принципиальная отгороженность.

Уже по самому существу дела такое требование представляется нам весьма парадоксальным, ибо та социальная среда, из которой вербует своих приверженцев синдикализм, далеко не охватывает всех страждущих и угнетенных.

Тот, кто не получает специфической "заработной платы", исключается тем самым автоматически из великой рабочей семьи. Вытекает ли, однако, отсюда, что он недостоин принять участие в общем деле социального обновления? Значит ли это, что он вполне счастлив и до-

волен жизнью, не страдает от ужасной борьбы за существование, неспособен представить себе иной, лучший мир, где не будет ни голодных, ни холодных, где люди обретут, наконец, мудрость хищных зверей и перестанут пожирать себе подобных? Вправе ли мы, наконец, отказывать ему в поддержке и помощи, и оставлять в пренебрежении, неиспользованными, бесплодными — те физические, умственные и нравственные силы, которые он предоставляет в распоряжение современного ему общества? Коемучо же — нет! И вряд ли кто-либо из защитников новой формулы решится утверждать противное.

Как бы ни замыкался и ни отгораживался синдикализм, принимая в свое лоно только определенные категории лиц, все же перед ним — необъятное поле деятельности, где его творческие силы могут развиваться свободно, без стеснений, позволяя ему занять должное — не высшее и не низшее — место в обширном революционном движении, увлекающем народы вековыми доселе формами социальной жизни.

* * *

Вопреки утверждению марксистов, человечество отнюдь не распадается на две точно разграниченные и резко обособленные группы — пролетариев и капиталистов. Как в одном, так и в другом из этих произвольных подразделений имеется своя многосложная иерархия, сближающая интересы и чаяния представителей обоих классов.

Между крайними точками этой обширной скалы — чернорабочим, зачастую презираемым его собратьями ремесленниками — и крупным капиталистом-акционером различных предприятий — располагается масса промежуточных внеклассовых элементов.

Они являются одновременно капиталистами и пролетариями, эксплуатирующими и эксплуатируемыми — точнее ни тем ни другим, — и вся жизнь их нередко проходит в безуспешной борьбе с неумолимыми законами общества, которое топчет их и выбрасывает беспощадно за борт.

К числу их относятся ученые, интеллигенты, техники, артисты, писатели, "средний" персонал между администрацией и низшими исполнительными служащими государственных и частных предприятий. Сюда же примыкает целая гамма мелких собственников и коммерсантов.

Если бы все эти элементы объединились для борьбы с угнетающим их злом, и если бы в своих организациях (безусловно не принадлежащих к типу синдикатов, поскольку они не обладают однородным пролетарским составом) они преследовали исключительно революционные цели — неужели наши синдикаты — партизаны новой формулы обособления — отказали бы им в праве на сотрудничество, отвергли бы всякий контакт с ними на том основании, что "синдикализм есть движение самодовлеющее"?

Для революции "политической" в тесном смысле слова, имеющей целью замещение одного правящего другим, который попытался бы утвердить свои методы и принципы — для такой революции синдикализм, быть может, оказался бы достаточным и полноценным. Возможно, что организовав достаточно большее число индивидов и внушив им идею их силы и права на власть, нам удалось бы сбросить нынешних правителей; в этом смысле, повторяю, синдикализм, быть может, и оказался бы достаточным.

Но дело не в политической революции и не в замене одного правительства другим; нас меньше всего интересует знать, кто именно окажется у власти и будет пользоваться плодами чужих трудов. Задача наша несравненно сложнее и глубже.

Социальная проблема была бы в главнейшем разрешена, если бы не было ни правящих единиц, ни управляемой массы, ни всевластных эксплуататоров, ни обираемых и обманываемых тружеников.

С этой целью необходимо объединить все силы общества для извлечения возможно большего количества природных богатств и создания неисчерпаемых материальных запасов, предоставленных в свободное общее пользование.

Необходимо также установить справедливое пользование существующими путями сообщения, как-то железными и шоссейными доро-

гами, каналами, воздушными и морскими путями, и увеличить по возможности их сеть, дабы распространить повсюду материальную и духовную культуру.

Постройка и содержание этих дорог потребует выполнения грандиозных инженерных работ и заготовления необходимых материалов.

Для дальнейшего экономического расцвета мы должны неустанно рыться в недрах земли, отыскивая и извлекая необходимые для фабричной и сельско-хозяйственной промышленности минералы. Необходимо уловить и использовать могучие гидравлические силы, скрытые в горах и долинах, и хоучие давать нам двитательную энергию, свет и тепло. Вода, скопляющаяся в реках и горных потоках во время дождей, должна сохраняться в бассейнах и использоваться для искусственного орошения полей в периоды обычных засух.

Не менее насущной потребностью является широчайшее распространение специальных технических знаний, создание целой сети школ, подготовляющих квалифицированных работников для всех отраслей техники и производства. Эта тщательная практическая подготовка должна быть дополнена всесторонними общеобразовательными курсами в области наук и искусств, дабы развить и укрепить в широких массах органическое стремление к знанию, влечение к красоте и духовной культуре.

Для того, чтобы пустить полным ходом производственный социальный механизм мы нуждаемся в известном количестве усердных рабочих рук; достижение значительного всеобщего благосостояния требует сверх того участия высококвалифицированных специалистов, задача которых — разобрать в деталях производственные планы, выработать необходимые методы и принципы, создать архитектуру общественно-го хозяйства, направить его в постоянное русло и воплотить в жизнь справедливую систему распространения полученных продуктов.

Организация труда должна быть в свою очередь дополнена улучшением и усовершенствованием жилищ; каждой семье должен быть предоставлен небольшой, но комфортабельный дом, снабженный в изобилии водой, светом, те-

плом и всеми новейшими приспособлениями, облегчающими работу домашней хозяйки. Это здоровое жилище, окруженное садом, будет тем уютным, приветливым гнездышком, в котором процветает счастливая и здоровая семейная жизнь. В хорошие дни вся семья будет отдыхать под сенью деревьев, а дети будут резвиться на мягкой шелковистой траве...

А что же дальше? Можем ли мы считать себя удовлетворенными, и нашу задачу — выполненной до конца?

Проблема жизни бесконечно сложна и обширна. На смену одной удовлетворенной потребности является другая, о существовании которой мы и не подозревали, и эта новая потребность становится могущественным фактором стимулирующим наши духовные и физические силы.

И с этими многосложными заданиями мы надеемся справиться при помощи тех средств, какие находятся в распоряжении рабочего синдикализма?!

Последнему надлежит позаботиться о выполнении более скромных, посильных заданий, не порываясь на недостижимые высоты и памятуя, что рабочие-синдикалисты, в силу обстоятельств, являются гораздо менее вооруженными в смысле знаний, чем отталкиваемые ими интеллигенты.

Действуя порознь, и те и другие бессильны. Так пусть же они сольют во едино свои творческие усилия, пусть рабочие призовут всех этих техников, ученых, интеллигентов, которые, по существу, отнюдь не являются их врагами, пусть они учатся всему чему возможно учиться, в ожидании благоприятного момента, когда соединенными усилиями они опрокинут существующее буржуазное общество.

* * *

Сдержанность синдикалистов в значительной мере вытекает из боязни быть обманутыми и поработанными теми, кого они считают выше себя по образованию и умственной культуре. Отсюда — их стремление к самозамыканию, которое подтверждается, к сожалению, на целом ряде фактов.

А между тем ключ к решению проблемы — ни в чем ином, как в объединении всех, кто

страдает от язв буржуазного строя.

Объединение это осуществится на деле, если все упомянутые категории откажутся от веры в свое мнимое превосходство. Не все обладают достаточно мощной мускулатурой, позволяющей выдерживать значительное и долгое напряжение; не всем свойственна подвижность и ловкость пальцев, необходимая для быстрого и точного выполнения деликатных, тонких работ; тем паче не каждый может быть одарен мозгом Пастера, Берглю или Элизе Реклю.

И тем не менее все эти люди, столь различно одаренные физически и умственно, в известном смысле равны, ибо все настоятельно нуждаются в удовлетворении их ежедневных потребностей. Всем им необходима пища, одежда, кров и индивидуальные различия в этой среде настолько незначительны, что здесь именно, по нашему мнению, и кроется подлинное и ненарушимое равенство.

* * *

Но мы продолжаем упорно сторониться интеллигенции и попрежнему ревниво оберегать свои права — все из того же страха перед нашими просвещенными собратьями, которые благодаря их знаниям и тщательной подготовке так легко и непринужденно справляются со всеми трудностями критики, диспутирования, составления схем и проектов!.

Рабочие синдикаты могут смело пренебрегать этой ничтожной опасностью; тому, кто сознает всю важность и нужность выполняемой им повседневной работы, кто знает себе цену — не страшно никакое поражение, ибо он знает, чего хочет и куда идет.

Причина эта легко устранима — если только это единственная причина, препятствующая сближению синдикалистов с интеллигенцией, контакту, от которого зависит работа производственного механизма.

Можно ли рассчитывать на то, что впоследствии, когда капитализм будет сокрушен победоносной революцией, мы в состоянии будем обойтись без "строгого" культурного элемента?

Без сомнения — нет! А раз так — отчего же не привлечь их к сотрудничеству заблаговременно, до, а не после революции?

К чему подвергать незаслуженному ostracismу и отстранять от дела революции всех тех, кто не получает специфической заработной платы?

Рабочие боятся, что влияние интеллигенции будет использовано ею для личных целей? Но разве этот авантюризм присущ исключительно не-пролетарскому элементу?

Разве нам неизвестны многочисленные случаи, когда некоторые рабочие жестоко злоупотребляли доверием своих товарищей?

Впрочем, в значительной мере это вина самих рабочих-синдикалистов.

Самостоятельно мыслить, делать необходимые умственные усилия для того, чтобы разработать идею будущего общества и изыскать средства для претворения этих идей в действительность — все это представляет значительные трудности.

Нелегко также изучить в совершенстве технику своего ремесла, выяснить его средства и цели, его социальную полезность, исследовать все возможности в смысле объединения, кооперации со всеми, кто работает в той же области.

Не менее трудно, наконец, поддерживать сношения и вести постоянную корреспонденцию с товарищами-единомышленниками в различных странах и отыскивать вместе с ними пути ведущие к достижению нашей цели.

Доверяя посторонним субъектам выполнение всех этих важных функций, рабочие неоднократно бывали обмануты самым оскорбительным и пагубным образом. Когда же необходимое умственное усилие — хотя и трудное после долгого трудового дня — их больше не будет смущать? Когда они приобретут известный навык в изыскании средств к справедливой организации распределения и производства — тогда они могут безбоязненно "выдержать" контакт с ку-

льтурными и техническими силами, не опасаясь пресловутого порабощения, и работая сообща над осуществлением чаяемого нами всеми, будущего общества.

Но и после всего этого мы не вправе будем говорить об универсальной "достаточности" синдикализма.

Если только не разуместь под этим общим термином объединения всех производительных групп, как то: земледельцев, фермеров, всех занятых в производстве и даже коммерсантов-импортеров, размножающихся теперь повсюду и упорно отстаивающих свою прибыльную торговлю, позволяющую им до последних пределов вздувать цены на доставляемые ими потребителю продукты.

Равным образом сюда же следует отнести многочисленные ассоциации потребителей, возникшие из необходимости "самозащиты" и могущие отныне слиться с рабочим синдикализмом.

А так как все мы являемся одновременно и производителями и потребителями, исключая, конечно, касту рантье и держателей акций промышленных и банковских предприятий, то общество в конце концов откажется от взаимного обирательства и бесплодной борьбы, вытекающей из тщетного стремления одних групп к превосходству и власти над другими.

Тогда именно синдикалисты должны будут проявить достаточную ловкость и умение, чтобы способствовать своей тактикой преобразованию "оборонительных" групп сегодняшнего дня в гармонические производительные ассоциации, которые явятся основанием будущего свободного общества.

С этого момента синдикализм, действительно, обретет универсальную достаточность, но существование его станет излишним, ибо он утратит свой "raison d'être".

ПИСЬМО ИЗ ПОЛЬШИ.

Многоуважаемый К. Д.

Какою неожиданностью было для меня ваше письмо. И как радостно было оно для меня, как звучны были ваши слова, когда они про-

никали до глубины моей души. Сколько гордости, сколько энергии и надежды на светлое будущее придало оно мне.

Ваш журнал, который является источником

саморазвития рабочих, пробудил во мне временно уснувшие стремления. Я с большим вниманием читала ваш журнал и была очень рада. Да и мудро ли: живя здесь (в Польше) не приходится читать и классической литературы не только политической, — вся литература здесь издается на польском языке. Благодаря таким обстоятельствам не легко поспевать за движущейся анархической лавиной, которая рано или поздно должна захлестнуть те несправедливые капиталистические порядки, которые насильно навязываются и преподносятся рабочим и крестьянам во всех странах, а в особенности у нас в Польше.

Теперь опишу вам вкратце мое ознакомление и влечение к анархизму. В 1919 году, хотя анархическое движение и не было подпольным, но работа происходила главным образом в клубах, потому что большевики запретили проповедывать в публичных местах. Но несмотря на все эти препятствия, я безбоязненно начала посещать собрания, и внимательно вслушиваться в речи, потом мало по малу начала знакомиться с литературой. Но тут, к великому несчастью, на мою долю выпадает выезд на родину, и по настоянию родителей, я вынуждена была расстаться с друзьями. При отъезде на родину, я запаслась литературой и кое какими наставлениями от своих друзей. Мы расстались....

Но провести литературу, благодаря тщательным обыскам на границе, мне не удалось. Увидя сильное преследование и жестокие расправы жандармерии, пришлось всю литературу уничтожить. По приезде в М. и ознакомившись с друзьями детства и вообще со всей молодежью, стараюсь узнать их мнения и взгляды, но увидя, что среди нашей молодежи не произошло никакого перерождения несмотря на то, что к этому толкали и толкают сами же события; благодаря тому, что здесь еще слишком далеки от всяких идеалов и при первом удобном случае могут выдать угнетателям и паразитам труда и злобным тиранам, — то с болью в душе приходится до поры до времени уста держать замкнутыми, "Один, ведь, в поле не воин".

Ох, не могу до сих пор забыть тех друзей, с которыми приходилось делить свои мысли и свои чувства. Я была бесконечно счастлива, когда жила среди них и вместе с ними работала на благо нашего светлого идеала. Теперь мне тяжело: кругом чужие и далекие моему сердцу люди; но стремления во мне кипят и я не теряю надежды и веры, что в недалеком будущем буду видеть своих друзей на подготовляющейся почве для анархизма в польском крае. И тогда совместно, общими усилиями, будем строить общее светлое царство анархизма!

Ф. А. Ч.—к.